

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

533

KURITEGELIKU KÄITUMISE GENEES
ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID
ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

IX

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 533 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.r.

KURITEGELIKU KÄITUMISE GENEES
ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

KRIMINOLOOGIA-ALASEID TÖID
ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

IX

ТАРТУ 1980

Редакционная коллегия:

В.Келдер, Э.Лаасик, Й.Мяль, И.Ребане, П.Вихалем,
Э.Салумаа.

Ответственный редактор К.Томбак

Акк.

Тартуский государственный университет

Институт криминологии

6035

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 533. ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ. Труды по криминологии IX. На русском языке. Тартуский государственный университет. СССР, г. Тарту, ул. Пийкооли, 18. Ответственный редактор К.Томбак. Корректор И.Пауска. Сдано в печать 07.07.80. Бумага печатная 30 x 45 1/4. Печ. листов 7,5. Учетно-издат. листов 6,95. Тираж 500. МВ 05434. Типография ТТУ, СССР, г.Тарту, ул. Пялсона, 14. Зак. № 666. Цена 1 руб.

I - I4

ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЕГО ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Х. К и н г с, канд. юрид. наук,
научн. рук. проблемной лаборатории криминологии ТГУ

I. При изучении причин преступности неизбежно возникает вопрос: почему один человек совершает преступление или какое-либо иное правонарушение, поведение другого же носит законопослушный характер? Ответ на этот вопрос, как отмечает В. Н. Кудрявцев, "определяет направленность и содержание мероприятий, планируемых в борьбе с антиобщественным поведением."¹ Однако он предупреждает, что "ответ на поставленный вопрос вряд ли может быть элементарным. Слишком разнообразны люди и их поступки, различны условия, в которых протекает социальное поведение. Тем не менее вполне возможно указать на типичные особенности генезиса противоправного поведения, на основной механизм его формирования и наиболее распространенные его варианты."² Ответ на этот вопрос предполагает детальное изучение как в теоретическом, так и в эмпирическом плане генезиса преступного поведения, т.е. происхождения и развития преступного поведения.

Каждое преступление совершается в конкретное время, в конкретном месте и в конкретных условиях, т.е. в конкретной ситуации. На поведении человека несомненно сказывается влияние характера ситуации: благоприятствует ли конкретная ситуация совершению определенного преступления. Чем благоприятнее ситуация, тем больше вероятность совершения преступления. Однако разные люди в аналогичной ситуации ведут себя по-разному: не каждый человек, оказавшийся в благоприятной для со-

---

¹ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 88.

² Там же.

вершения преступления ситуации, совершает его. Следовательно, совершение преступления зависит также и от личности. Более того, совершение преступления возможно и в условиях неблагоприятной для его совершения конкретной ситуации и даже вопреки тому, что совершение преступления связано с преодолением значительных препятствий. В силу этого при изучении генезиса преступного поведения недостаточно ограничиться лишь изучением конкретной ситуации, необходимо исследовать и личность преступника. Американский криминолог У. Реклесс писал: "Загадка того, что является причиной преступлений и правонарушений, скрывается где-то во взаимном сцеплении слабых и сильных сторон индивида (внутренние компоненты), влияния возникшей ситуации и способности или неспособности окружающего социального строя нейтрализовать это влияние. "С" (ситуация) нуждается в "И" (индивиде), а "И" нуждается в "С". Те, кто делают слишком большой упор на одном из этих факторов, сбрасывая со счетов второй, по-видимому, страдают близорукостью. В сущности говоря, мы не знаем, что представляет собой в действительности "И" без "С", как не знаем, что означает "С" без "И".³ Это замечание вполне справедливо: взаимодействие личности и конкретной ситуации является ключевой проблемой генезиса преступного поведения.

Можно привести аргументы как в пользу значения личности, так и в пользу роли конкретной ситуации. Например, М. Клайнерд, подчеркивая важность ситуации, отметил, что "многие потенциальные правонарушители или преступники не совершают преступных актов просто потому, что для них никогда не возникает благоприятной для этого ситуации."⁴ С другой же стороны, тот факт, что человек может воздержаться от совершения преступления, несмотря на явную благоприятность ситуации, и может совершить его даже если это потребует невероятных усилий, свидетельствует об определяющей роли личности в генезисе преступного поведения. Однако эти аргументы не опровергают того факта, что ключевой проблемой генезиса прес-

---

³ Цит. по Маршалл Клайнерд. Криминологические исследования. - Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965, с. 596.

⁴ Там же.

тупного поведения является взаимодействие личности и конкретной ситуации.

В советской криминологии наиболее весомый вклад в дело изучения генезиса преступного поведения принадлежит В. Н. Кудрявцеву, который предлагает следующую структуру генезиса преступного поведения: 1-м звеном в генезисе преступного поведения является формирование личности с антиобщественной ориентацией (направленностью)⁵, 2-м звеном - формирование конкретного решения на совершение правонарушения и 3-е звено - реализация решения. Сказанное иллюстрируется схемой:⁶

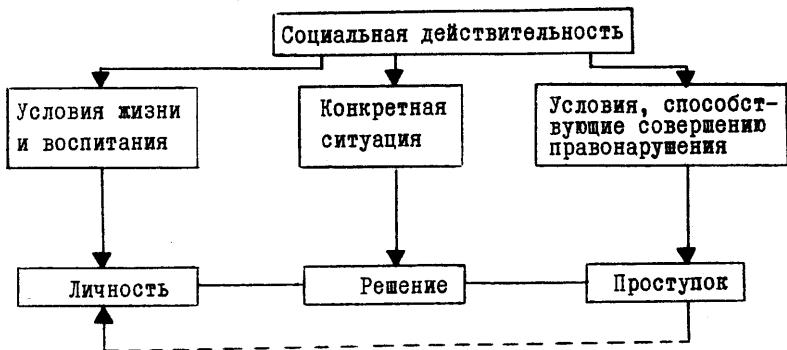

Схема I

По мнению В. Н. Кудрявцева, первое звено генезиса противоправного поведения - формирование личности с антиобщественной направленностью - хотя и представляет интерес для пра-

⁵ Шахматов А. В. утверждает, что преступность как социальная проблема обусловлена обществом, его развитием. Следовательно, термин "антиобщественный" в отношении к преступнику и преступному поведению не приемлем. См. Шахматов А. В. Преступность. Методические указания для применения системного и вероятностного методов исследования. Ленинград-Красноярск, 1978, с. 56. Автор согласен с такой точкой зрения. Исходя из материального признака преступления - общественной опасности - термин "антиобщественный" следовало бы заменить термином "общественно опасный", как это и сделано в настоящей работе.

⁶ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 89.

ва и криминологии, но при строгом подходе не служит предметом их изучения: это дело педагогики, психологии, социологии и прочих наук, занимающихся изучением человека. Предметом правового и криминологического исследования является формирование и принятие решения на совершение правонарушения, т.е. по сути дела это проблема мотивации противоправного поведения. Третий этап – собственно противоправное поведение – является предметом правового анализа.⁷

Рассматривая проблему мотивации противоправного поведения в условиях взаимодействия личности (потребности, интересы, цели) и конкретной ситуации (возможности и средства), В. Н. Кудрявцев справедливо подчеркивает важность изучения этого звена в криминологии. С утверждением, будто третий этап – само противоправное поведение – является предметом правового анализа, можно согласиться лишь частично: само противоправное поведение является предметом и правового, и криминологического анализа. В процессе научного исследования криминология и уголовное право неразделимы. Нельзя, однако, согласиться с утверждением, будто изучение формирования личности с общественно опасной направленностью не входит в задачи криминологии. Изучение специфики формирования общественно опасной направленности представляет собой в той же мере задачу криминологов, как и изучение специфики мотивации противоправного поведения. Обе проблемы изучают и представители иных перечисленных В. Н. Кудрявцевым областей науки. Их знания, более того – сотрудничество с представителями иных отраслей знания, необходимы криминологам как при изучении формирования личности с общественно опасной направленностью, так и при изучении специфики мотивации противоправного поведения. Кстати, на необходимость изучения формирования личности с общественно опасной направленностью указывал и сам В. Н. Кудрявцев в своих более ранних работах, подчеркивая, что "изучение этого процесса, выявление тех конкретных причин и условий, которые приводят к образованию антиобщественных качеств личности, – одна из центральных задач криминологических исследований и практики борьбы с преступностью."⁸

---

⁷ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 90-91.

⁸ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. (О структуре индивидуального преступного поведения.) М., 1968, с. 25.

Чем вызвана подобная непоследовательность? Причина имеется. В. Н. Кудрявцев пришел к заключению, что в настоящее время "для такого анализа, при котором мы могли бы детально проследить особенности формирования людей в прошлом, еще нет достаточных научных предпосылок",⁹ поэтому он предлагает изучение генезиса противоправного поведения начать с его второго звена: "Можно ведь подойти к этой проблеме таким образом, что мы уже имеем сегодня определенную часть граждан, ранее сформировавшихся неблагоприятным образом, и изучаем их поведение в современных конкретных исторических условиях. При этом центр проблемы переносится на второе звено генезиса противоправного поведения — мотивацию и принятие решения о противоправном поведении."¹⁰ Суть дела в том, что благодаря "сдвигу во времени"¹¹ формирование общественно опасной направленности может происходить в относительно отдаленном прошлом по сравнению с совершением преступления и последующим криминологическим изучением личности. По мнению В. Н. Кудрявцева, для изучения подобных событий прошлого в настоящее время "еще нет достаточных научных предпосылок". Если это и так, то упомянутые научные предпосылки сами по себе не возникнут, их следует создать. Криминологи, которых этот вопрос интересует самым непосредственным образом, не могут и не должны оставаться в роли наблюдателей. Следовательно, даже с этой точки зрения исключение первого звена генезиса противоправного поведения из предмета изучения криминологии не обосновано.

В действительности изучение формирования личности — далеко не "распаханная целина" в советской криминологии. Этой проблемой советская криминология занимается более десяти лет. Уже в общих чертах известны те обстоятельства, которые обуславливают формирование личности с общественно опасной направленностью.¹²

---

⁹ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 96.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 93-95.

¹² См. Криминология. М., 1976, с. 174 и сл. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде). М., 1975 и др.

Основным недостатком проведенных эмпирических исследований, посвященных выявлению неблагоприятных факторов формирования личности, является их ретроспективный характер: к изучению неблагоприятных условий формирования личности приступают лишь после совершения ею преступления. И вполне естественно, что в таком случае вне поля зрения остаются многочисленные детали начавшегося десятки лет назад процесса формирования личности. Вопрос заключается в том, что методика изучения формирования личности в криминологии нуждается в преобразовании: наряду с ретроспективным наблюдением следует по мере возможности применять перспективное наблюдение. О постоянном наблюдении за всеми гражданами с момента их рождения и до смерти, конечно, не может быть и речи, однако определенные разумные границы осуществления перспективного наблюдения несомненно следует найти. Наблюдение может быть не сплошным, а выборочным, не постоянным, а периодическим, оно может характеризоваться и иными ограничительными условиями, которые способствуют осуществлению перспективного наблюдения.

Наиболее просто организовать перспективное наблюдение при изучении специфики генезиса рецидива преступления: наблюдению подвергаются лица, совершившие свое первое преступление (первые преступления), непосредственно после его (их) совершения и установления вины и затем на протяжении определенного промежутка времени. Проведенные исследования показали, что приблизительно 90 % рецидивистов совершает рецидивное преступление в течение трех лет после первого осуждения (если не было назначено наказание в виде лишения свободы), либо после освобождения от наказания лишением свободы. Следовательно, продолжительность наблюдения - 3 года плюс срок отбытия наказания в виде лишения свободы. Проведение подобного исследования представляется совершенно реальным.

Весьма значительные и до сих пор не использовавшиеся возможности осуществления перспективного наблюдения при изучении генезиса рецидива предоставляет уголовная статистика. На каждое преступление и лицо, совершившее преступление, заводится специальная статистическая карточка. Известно, что приблизительно 30-40 % впервые осужденных лиц совершает позже рецидивное преступление. Статистические карты, заведенные в свое время на первое преступление и совершившее его лицо, дают ценный материал для изучения специфики генезиса рецидива. В

качестве материала для сравнения – контрольной группы – можно использовать статистические карты на лиц, совершивших первое преступление (первые преступления) в тот же период времени, но не совершивших позже рецидивного преступления. В современных условиях, когда такая информация обрабатывается на ЭВМ, осуществление подобного исследования не связано с непреодолимыми препятствиями.

2. В. Н. Кудрявцев выдвинул задачу изучения генезиса п р о т и в о п р а в н о г о поведения.¹³ Однако ясно, что понятие "противоправное поведение" весьма широко.

Совершение правонарушений и преступлений различного качественного и количественного характера неизбежно предполагает и существенные различия в генезисе противоправного поведения. Так, например, говоря о первом этапе генезиса преступного поведения – о неблагоприятном формировании личности, – Ю. М. Антонян отмечает, что хотя советская криминология и не располагает исчерпывающими эмпирическими данными, первоначально можно предположить, что формирование личности, совершившей насильственные преступления, и личности, совершившей корыстные преступления, характеризуется совершенно различными отклонениями в микросреде. В микросреде лиц, совершивших насильственные преступления, распространены пьянство, грубость, неуважение друг к другу, пренебрежительное отношение к человеческому достоинству, нежелание считаться с чувствами и интересами других, половая распущенность; в микросреде лиц, совершивших корыстные преступления, – стяжательство, корыстолюбие, стремление к наживе, убеждение в правильности и возможности достижения материальной выгоды любой ценой.¹⁴ При совместном наблюдении насильственных, корыстных и других преступников эти типичные различия выявить невозможно. Отсюда следует необходимость д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о г о изучения генезиса противоправного поведения.

Учитывая качественную и количественную специфику видов

---

¹³ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 96-129.

¹⁴ См. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятное влияние на личность в микросреде). М., 1975, с. 34-35.

правонарушений при изучении генезиса правонарушений помимо основного вопроса — почему один человек совершает правонарушение, поведение другого же носит законопослушный характер, необходимо ставить еще по меньшей мере два дополнительных вопроса: 1) почему один человек совершает правонарушение одного вида, другой — другого вида и 2) почему противоправное поведение одного человека ограничивается совершением одного правонарушения (эпизода), другой же совершает еще второе, третье и т.д. правонарушения? Ответ на эти вопросы расширит наши знания в части генезиса противоправного поведения и позволит значительно конкретнее планировать и направлять работу в области профилактики правонарушений. Центральной проблемой изучения генезиса противоправного поведения несомненно является изучение генезиса преступного поведения, и в первую очередь изучение генезиса наиболее распространенных и типических преступлений, как кражи, хулиганство, умышленное нанесение телесных повреждений и пр. Чем уже рассматриваемые виды преступлений, тем более точные и конкретные результаты даст наблюдение. Исходя из этого соображения представляется целесообразным начинать изучение генезиса преступного поведения с изучения широких групп преступлений (корыстные преступления, насильственные преступления и т.д.). При таком наблюдении в одну группу будут включены совершенно различные преступления (например, кража, хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением, разбой и т.п.), в генезисе которых могут быть значительные различия. Изучение генезиса преступного поведения следует начать на уровне по возможности более конкретного вида преступления и лишь на основании полученных эмпирических данных (с учетом не только качественных, но и количественных особенностей генезиса преступного поведения) разработать системную криминологическую типологию преступлений и преступников. Попытка разработать теоретическую типологию, не опираясь на конкретные эмпирические данные, бесплодна. Это подтверждается опытом нашей криминологии. Представленные в литературе типологии и квалификации преступников нередко расплывчаты, состоят из общих слов и практически бесполезны.

Дифференцированное изучение генезиса преступного поведения должно также установить, почему один человек совершает

одно преступление (эпизод), а другой совершает еще и второе, третье и т.д. Ответ на этот вопрос возможен лишь при дифференцированном изучении генезиса преступного поведения также и в количественном аспекте, предполагающем сравнительное изучение генезиса совершения одного преступления (эпизода), совокупности преступлений и рецидива. По мере совершения новых преступлений усложняется и структура генезиса преступного поведения (см. схемы 2 - 4).

В криминологических исследованиях традиционной является классификация преступников - рецидивисты и нерецидивисты. В зависимости от того, что понимается под рецидивом, ранее не судимые, но совершившие более одного преступления лица включаются в группу рецидивистов (если наказание не признается обязательным признаком рецидива) или в группу нерецидивистов (при условии, что наказание признается обязательным признаком рецидива). Неправильны оба решения вопроса. Лиц, совершивших более одного преступления (эпизода), в отношении которых, однако, ранее не было применено наказание или прочая мера воздействия, следует рассматривать как отдельную группу.

Генезис преступного поведения ранее не судимых лиц значительно различается в зависимости от того, совершило ли лицо одно преступление (эпизод) или два и более преступлений (эпизодов): в первом случае генезис завершается совершением одного преступления, во втором продолжается совершением последующих преступлений.

Совершение двух и более преступлений значительно усложняет генезис преступного поведения и его изучение: в части каждого нового преступления (эпизода) необходимо установить обстоятельства, обусловившие его совершение. С этой целью необходимо изучать не только формирование личности до совершения первого преступления и конкретную ситуацию его совершения, но и возможные изменения, произошедшие с личностью под влиянием совершенного преступления и ее дальнейшего жизненного пути, а также те конкретные ситуации, в которых были совершены следующее и последующие преступления.

С другой стороны, генезис преступного поведения тех лиц, которые совершили два и более преступлений, значительно различается в зависимости от того, было ли ранее в отношении этих лиц применено уголовное наказание или какие-либо иные меры воздействия. Совершение нового преступления после при-

Ранее несудимые

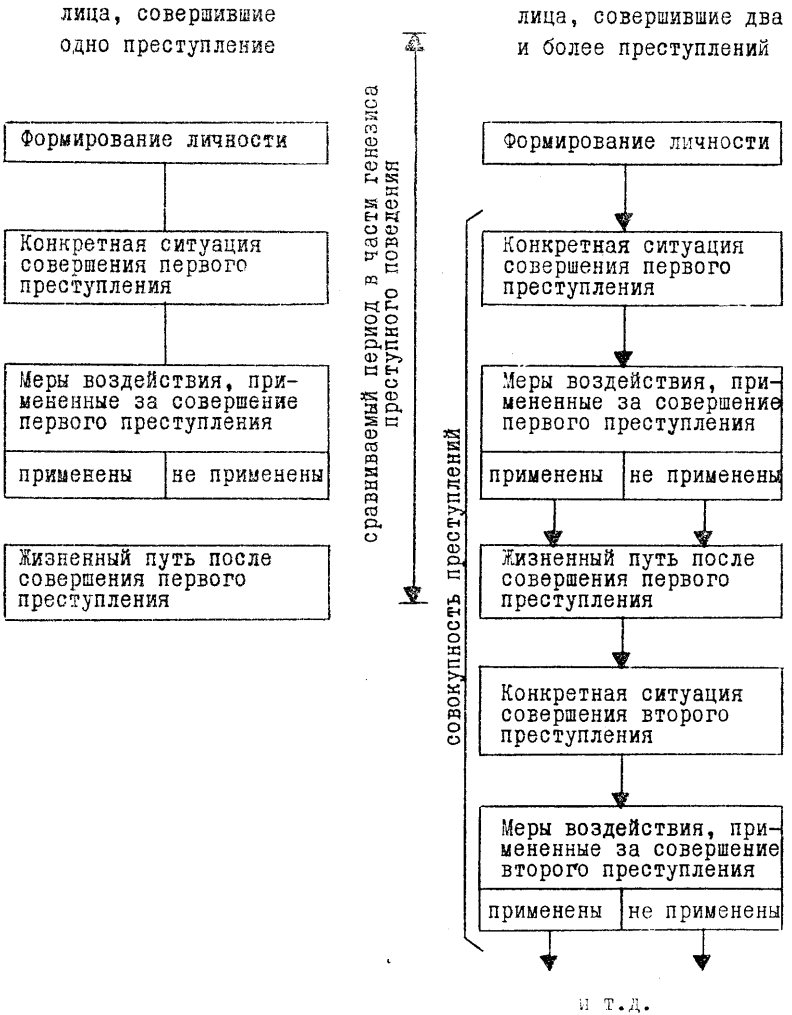
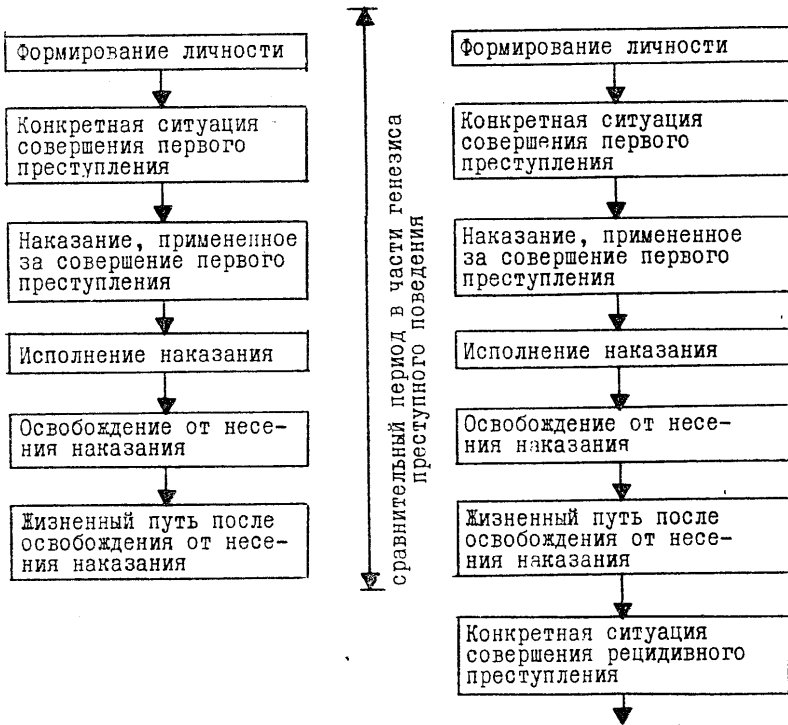

Схема 2

Ранее не судимые лица, совершившие одно преступление

Лица, ранее судимые за совершение одного преступления, совершившие рецидивное преступление (рецидивные преступления)

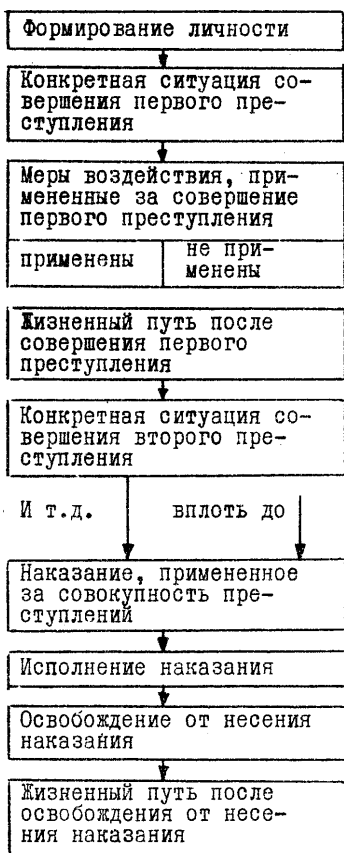

При наличии совокупности преступлений цепь продолжит изучение конкретных ситуаций совершения последующих преступлений и периодов между их совершением

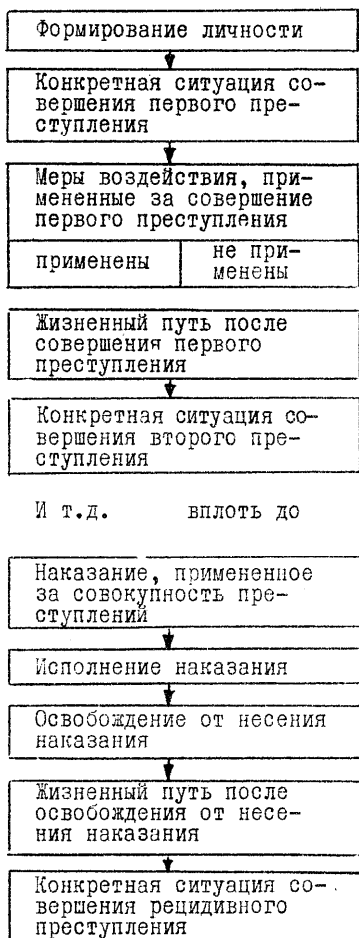
Схема 3

Ранее не судимые лица, совершившие два и более преступлений (совокупность)

Лица, судимые ранее за совокупность преступлений, совершившие рецидивное преступление (рецидивные преступления)

сравнительный период в части генезиса преступного поведения

При наличии совокупности преступлений цепь продолжит изучение конкретных ситуаций совершения последующих преступлений и периодов между их совершением

Схема 4

менения уголовного наказания либо иных мер воздействия за ранее совершенное преступление или преступления (рецидив), свидетельствует о качественно большей общественной опасности такого преступника по сравнению с преступниками, совершившими совокупность преступлений. Этот вывод продиктован тем обстоятельством, что в случае рецидива лицо совершает новое преступление, и е с м о т р я на ранее примененное в отношении к нему уголовное наказание либо прочие меры воздействия. В случае совокупности мы не можем говорить о том, что в отношении лица были применены средства подобного рода с целью предотвращения совершения нового преступления. При изучении генезиса преступного поведения приходится неизбежно считаться с фактом применения (неприменения) в отношении лица специальных профилактических средств.

Дифференцированное изучение генезиса преступного поведения обуславливает и известные различия в методике изучения: в качестве контрольной группы выступают сами преступники. Лица, ранее не судимые, совершившие одно преступление (эпизод), образуют контрольную группу при изучении генезиса совокупности преступлений (см. схему 2) и при изучении генезиса рецидива преступлений в части лиц, ранее судимых за совершение одного преступления (эпизода) (см. схему 3). Ранее не судимые лица, совершившие два и более преступлений (совокупность), образуют контрольную группу при изучении генезиса рецидива преступного поведения в части лиц, ранее судимых за совокупность преступлений (см. схему 4).

Дифференцированное изучение генезиса преступного поведения не исчерпывается вышеизложенным. После совершения рецидивного преступления или рецидивных преступлений и назначения наказания лицо может совершить новые преступления и быть неоднократно наказанным. Естественно, что и эти аспекты генезиса преступного поведения нуждаются в изучении.

Одним из результатов дифференцированного изучения генезиса преступного поведения является создание типологии преступников (группы, подгруппы и т.д.), в которой преступников конкретной группы характеризует одинаковый типичный (согласно степени обобщения) генезис преступного поведения. Однако разработка такой типологии не является самоцелью. Конечную цель все же представляет разработка системы типичных профилактических средств воздействия на представителей каждой

конкретной группы с учетом специфики генезиса преступного поведения её членов. Наличие подобной типологии преступников упрощает практику профилактики преступлений. Устанавливая принадлежность преступника к той или иной конкретной группе, подгруппе и т.д., мы руководствуемся известной системой типичных для данного случая профилактических средств. Разумеется, ни одна типология не может быть детализированной до бесконечности и учитывать всю специфику и индивидуальность каждого отдельного случая. Следовательно, наряду с вытекающими из типологии рекомендациями необходимо в практике учитывать и индивидуальность каждого конкретного случая.

3. Дифференцированное изучение генезиса противоправного поведения не отрицает общих его закономерностей. Генезис противоправного поведения во многом сходен с генезисом правомерного поведения, однако, он имеет и свою специфику. Но "специфика антиобщественного поведения вовсе не заключается в том, что в этом поведении участвуют (или не участвуют) какие-либо особые психические или физиологические механизмы, не характерные для общественно полезного поведения. Все механизмы одни и те же. Специфика заключается не в форме, а в содержании деятельности этих механизмов, что и должно быть проанализировано посредством социально-психологических и криминологических исследований."¹⁵

По сути дела противоправное поведение отличается от правомерного своим вредным, опасным для общества характером. Если общественная опасность поступка велика, он признается преступлением. Общественная опасность и является тем материальным признаком, на основании которого противоправное поведение отличается от правомерного. Это служит отправным моментом и при изучении генезиса преступного поведения, в том числе и специфики формирования личности преступника.

Изучение специфики формирования личности преступника должно дать ответ на вопрос о том, как происходит формирование общественно опасной направленности. С одной стороны, при этом необходимо выявление тех социальных факторов, которые обусловили или способствовали возникновению общественно опасной направленности, с другой, — изучение того механизма, посредством которого внешние причины и условия преступления

---

¹⁵ К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 88.

превратились во внутренние причины и условия. Вполне понятно, что изучение специфики формирования личности преступника немислимо отдельно от изучения личности в момент совершения преступления (практически же, однако, после его совершения). Последнее должно дать ответ на вопрос, характеризует ли личность общественно опасная направленность и если да, то в чем она конкретно выражается. Изучение формирования личности выявляет источники и процесс зарождения этой направленности.

Характеризуя антиобщественную (общественно опасную — Х.К.) направленность личности, В.Н.Кудрявцев называет ее психологией индивидуализма и эгоизма, основным содержанием которой является личный интерес.¹⁶ Это означает, что при столкновении личных и общественных интересов лицо с общественно опасной направленностью готово удовлетворить личные интересы даже за счет общественных интересов. Если при этом мы имеем дело со значительными общественными интересами, охраняемыми уголовным правом, подобное поведение — преступление.

С аксиологических позиций предпочтение личных интересов общественным означает, что в иерархии ценностей данной личности наблюдаются известные отклонения индивидуалистического, эгоистического порядка от общепринятой в социалистическом обществе иерархии ценностей, которую увенчивают, как известно, личная жизнь, труд и общество.¹⁷ Так, например, при совершении кражи оказывается, что удовлетворение личных материальных потребностей как ценность помещено выше такой ценности как неприкосновенность чужого личного имущества. С точки зрения общества последняя имеет огромное значение: неприкосновенность личного имущества граждан охраняется уголовным законом, в силу чего удовлетворение личных материальных потребностей путем посягательства на неприкосновенность чужого личного имущества является преступлением. С поведенческой точки зрения можно сказать, что совершившее преступление лицо не усвоило норм поведения, регулирующих отношения собственности.

---

¹⁶ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 205. В криминологии на это ранее уже указывал В. Д. Филимонов. См. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 205.

¹⁷ См. Э. Доне. Марксизм и аксиология. — Исторический материализм. Таллин, 1977, с. 171 (на эст. языке).

Как правило, в криминологии различают три основных типа общественно опасной направленности: корыстную, насильственную и социально пассивную (или также индивидуалистически-анархистскую).¹⁸ Эти основные типы, естественно, не в состоянии охватить и одинаково точно охарактеризовать всех лиц, совершивших насильственные и корыстные преступления, или лиц с социально пассивной направленностью. Например, при совершении преступлений против жизни и здоровья граждан при изнасиловании, частично при хулиганстве и т.д. мы можем говорить об общественно опасной направленности насильственного типа. Однако в то же время это совершенно различные преступления и общий знаменатель не дает ответа на вопрос, почему данное лицо совершило, например, изнасилование, а не какое-либо иное насильственное преступление. Предположение, что в личном плане при совершении этих преступлений нет никаких различий и совершение различных преступлений можно объяснить различиями одной лишь конкретной ситуации, вряд ли будет правильным. Следовательно, подобная классификация общественно опасной направленности чересчур обща и практически малополезна. Основные типы общественно опасной направленности следует установить на основании дифференцированного эмпирического исследования генезиса преступного поведения, и нет сомнений в том, что характеризующие общественно опасную направленность данные крайне важны для разработки типологии преступников.

Учитывая характер практически совершаемых преступлений и относительную частоту их совершения, можно предположить, что основными видами общественно опасной направленности являются такие, которые характеризуют лиц, совершивших кражи, хулиганство и умышленные преступления, направленные против жизни и здоровья граждан. Все остальные виды общественно опасной направленности предположительно являются вариациями вышеперечисленных видов, их комбинациями либо самостоятельными, редко встречающимися видами или их группами.

Общественно опасная направленность характеризует не каждого преступника. Степень ее интенсивности может колебаться в значительном диапазоне: от ничтожных отклонений в ценностных ориентациях, свойственных подавляющему большинству граж-

---

¹⁸ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 205. Криминология. М., 1978, с. 166.

дан социалистического общества, вплоть до резкого разрыва с принятой в нашем обществе системой ценностных, этических и правовых норм¹⁹. Исходя из этого амплитуда отклонений, встречающихся в генезисе преступного поведения в период формирования личности (в сравнении с генезисом правомерного поведения), может быть крайне широка: от незначительных отклонений до весьма существенных. И вполне понятно, что эти отклонения имеют свою специфику, которая в конечном счете отражается в качественной и количественной характеристиках совершаемых преступлений. Первоначально можно предположить, что чем больше отклонения, тем больше общественная опасность преступлений, к которым они приводят, тем труднее исправить или перевоспитать характеризуемого ими человека и, следовательно, тем больше преступлений он совершит.

4. Исходя из предыдущего проблемная лаборатория криминологии ТГУ поставила перед собой на 1980-1985 годы задачу дифференцированного эмпирического изучения генезиса преступного поведения лиц, которые ранее не совершали преступлений либо в отношении которых не было назначено наказание или применены иные меры воздействия, регистрируемые в уголовной статистике, и которые впервые привлечены к уголовной ответственности за хулиганство, преступление против социалистического имущества или личного имущества граждан, а также преступление против жизни и здоровья личности. Изучению подлежат лица, совершившие как одно преступление (эпизод) любого указанного выше вида, так и несколько преступлений (эпизодов), если хотя бы одно из них является преступлением вышеуказанного вида. Изучение генезиса преступного поведения в части вышеуказанных преступлений осуществляется ретроспективно. Поведение этих лиц в дальнейшем будет подвергнуто наблюдению и, таким образом, изучение рецидива будет носить уже перспективный характер.

Целью исследования является установление следующего: 1) в чем именно проявились типические дефекты социализации лиц, приведшие к совершению преступлений указанных видов; 2) в чем заключаются типические особенности ситуаций совер-

---

¹⁹ См. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 209.

шения преступлений указанных видов; 3) в чем именно проявились типические дефекты социализации лиц, совершивших одно преступление, по сравнению с дефектами социализации лиц, совершивших совокупность преступлений; 4) в чем заключаются типические особенности ситуаций совершения одного преступления по сравнению с ситуациями совершения совокупности преступлений; 5) в чем именно проявились типические дефекты социализации лиц, совершивших рецидив преступлений, по сравнению с лицами, не совершившими новых преступлений после применения к ним наказания или иных мер воздействия; 6) в чем заключаются типические особенности ситуаций совершения первичного преступления рецидивистами и нероцидивистами; 7) в чем заключались особенности примененного наказания либо прочих мер воздействия у лиц, совершивших рецидивное преступление или рецидивные преступления, по сравнению с лицами, не совершившими нового преступления после применения к ним наказания либо иных мер воздействия; 8) в чем именно проявились типические дефекты ресоциализации лиц, совершивших рецидивное преступление или рецидивные преступления, по сравнению с лицами, не совершившими новых преступлений после применения к ним наказания или иных мер воздействия.

Позже будет сделана попытка выявления тех типических социальных и социально-психологических факторов, воздействие которых способно повысить в поведении лиц названных категорий вероятность проявления социально позитивных актов, способно закрепить в их поведении те из них, которые устранили бы типические дефекты социализации лиц названных категорий и способствовали бы формированию нужных, социально полезных навыков²⁰.

---

²⁰ См. и Яковлев А. М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. (Социально-психологический аспект). Учебное пособие. Горький, 1977, с. 115.

О СОЦИАЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ, МАТЕМАТИКЕ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГЕНЕЗИСА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Х. А. Р а н д а л у ,
докт. юрид. наук

Так как преступность по своему существу - общественное явление, в генезисе преступности и в ее профилактике весьма важную роль играют общественные законы. Представляется, что в нашей криминологической литературе не всегда правильно интерпретируются некоторые проблемы соотношения преступности и социальных закономерностей. Приведем здесь два ярких примера.

В учебниках по советской криминологии и во многих монографиях, разбирающих методологические проблемы криминологии, утверждается, что К. Маркс писал: "...Преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают по своему числу и по своей классификации такую же закономерность, как явления природы...". При этом ссылаются на Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, том 8, с. 532¹. Неужели К. Маркс не делал различий между закономерностями, царящими в природе как в биологической системе, и закономерностями в обществе как в социальной системе? Конечно, делал. И виновен здесь не Маркс, а те, кто неточно его цитировали. Приведенная выше цитата является лишь частью предложения из одного произведения К. Маркса, где он характеризует опубликованное в 1835 году сочинение бельгийца Л. А. Ж. Кетле (1796-1874) "О человеке и развитии его способностей или опыт социальной физики"².

---

¹ См.: Криминология. М., 1968, с. 99; Криминология. М., 1979, с. 101; А в а н е с о в Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972, с. 59; Н о й М. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975, с. 136; К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 57.

² Quetelet, A. Sur l'homme et le développement des ses facultés, ou Essai de physique sociale. Ternes I-II. Paris, 1835.

К. Маркс высоко ценил это сочинение, называя его "превосходным научным трудом"³. К. Маркс пишет: "В своем прогнозе вероятных преступлений, опубликованном в 1829 г., г-н Кетле действительно с поразительной точностью предсказал не только общее число, но и все разнообразные виды преступлений, которые были затем совершены во Франции в 1830 году. Приводимая Кетле нижеследующая таблица за 1822-1824 гг. показывает, что среднее число преступлений, совершенных среди той или иной национальной части общества, зависит не столько от особых политических учреждений данной страны, сколько от основных условий, свойственных современному буржуазному обществу в целом"⁴.

При этом К. Маркс обращает внимание на выводы, полученные из прогнозов Кетле, и спрашивает далее: "Итак, если преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают, по своему числу и по своей классификации, такую же закономерность, как явления природы, если, по выражению Кетле, "трудно решить, в которых их двух областей (физического мира или социальной жизни) "побудительные причины с наибольшей закономерностью приводят к определенным результатам", то не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая порождает эти преступления, вместо того, чтобы прославлять палача, который казнит известное число преступников лишь для того, чтобы дать место новым?"⁵

Итак, не Марксу, а г-ну Л. А. Ж. Кетле было "трудно решить, в которой из двух областей (физического мира или социальной жизни) "побудительные причины с наибольшей закономерностью приводят к определенным результатам". К. Маркс же, используя дважды слово "если", делает из этого утверждения Л. А. Ж. Кетле логически строгие выводы.

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 531. Л. А. Ж. Кетле часто называют отцом социальной статистики. См. например, Д а й м е н д С. Мир вероятностей (статистика в науке). М., 1970, с. 55-56, а также Общая теория статистики. М., 1968, с. 6. О гносеологических основах доктрины Кетле см. Д р у ж и н и н Н. К. Развитие основных идей статистической науки. М., 1979, с. 29-53.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 531-532.

⁵ Там же, с. 532.

Не менее часто встречается также неточная ссылка на К. Маркса там, где говорится: личность — это "совокупность всех общественных отношений"⁶. В собрании сочинений на русском языке это выражение представлено именно так, однако, в действительности в "Тезисах о Фейербахе" в оригинале на немецком языке шестого тезиса было использовано не "совокупность" (=сочетание разных объектов или явлений как целое), а заимствованное из французского языка слово "ансамбль" (Ensemble).⁷ Различие между понятиями "совокупность" и "ансамбль" явное: ансамбль — это более узкое понятие и при этом оно более точно раскрывает социальную сущность личности, обозначая лишь собрание взаимно согласованных элементов. Социальные отношения, определяющие сущность личности, образуются во взаимных связях и зависимостях и действительно образуют ансамбль — систему согласованных между собой отношений.

Приведенные выше примеры демонстрируют, как внимательно и тщательно следует и криминологам изучать труды классиков марксизма-ленинизма — золотой фонд диалектического и исторического материализма. И уж совсем никуда не годится приписывать классикам такие мысли, которые в их произведениях фактически не содержатся.

Нет оснований подробнее останавливаться на вопросе, какое значение имеет то, отождествлял ли К. Маркс биологические и социальные закономерности. Напомним лишь слова В. И. Ленина о прежних экономистах, которые "не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии"⁸.

Первым специфическим признаком общественных явлений, отличающим их от природных явлений, является сознательная деятельность человека. "В природе..., — писал Ф. Энгельс, — дей-

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3. См., например, Криминология. М., 1968, с. 133; Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 18, а также Смирнов Г. Л. Советский человек. М., 1971, с. 30 и др.

⁷ Marx, K. Thesen zu Feuerbach. — Marx, K., Engels, F. Werke. Bd. 3. Berlin 1958, S. 534.

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. I, с. 167.

ствуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям"⁹.

Имеются, конечно, и другие отличительные признаки общественных явлений. На один из них обращает внимание П. П. Маслов, который пишет, что "особенность общественных явлений состоит в том, что социальную группу и вообще социальную реальность мы можем представлять как целое, т.е. как совокупность явлений и событий, где взаимодействие членов этой совокупности зависит от нее как от целого"¹⁰. Э. П. Андреев и Г. В. Осипов пишут в послесловии сборника статей "Математические методы в социальных науках" (Москва, 1979), что трудности применения математики в социальных науках обусловлены, "во-первых, сложностью социальных явлений; во-вторых, тем, что социолог имеет дело с фактами не только объективными, но и субъективными, перевод которых в количественную форму требует разработки специального математического аппарата; в-третьих, эти трудности связаны с тем, что в социологии очень трудно свести к минимуму связь между наблюдаемым явлением и наблюдателем"¹¹.

Что касается первой причины - невозможности применения математики из-за сложности изучаемых явлений, - то это явное заблуждение. Как правило, общественные явления, конечно, гораздо сложнее механических или биологических: зачастую они не только сложные системы, но даже сложные системы сложных систем. Однако это не означает того, что для изучения общественных явлений нельзя применять математических методов. Наоборот, математика и статистика здесь необходимы как единственно уместные научные методы исследования таких наисложнейших явлений.

В обществе как в сложной системе, состоящей из ряда под-

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с. 305-306.

¹⁰ Маслов П. П. Статистика и социология. М., 1971, с. 108.

¹¹ Математические методы в социальных науках. Перевод с английского. М., 1973, с. 339.

систем, одновременно действуют разнообразные законы. При изучении общественных явлений всегда следует учитывать, что общество как любая сложная система включает в себя как жестко и однозначно детерминированные связи (функциональные зависимости), так и вероятностные, статистические (стохастическая зависимость). В соответствии с этим в общественных явлениях действуют как функциональные, так и стохастические закономерности¹². Это действительно и для преступности.

При этом следует иметь в виду, что для общественных явлений и процессов особенно характерны статистические закономерности¹³. Функциональные связи встречаются здесь реже и обыкновенно лишь тогда, когда мы имеем дело с основными социальными закономерностями, регулирующими, например, отношения базиса и надстройки, зависимость общественного бытия и общественного сознания и т.д. В то же время следует учитывать, что вероятностная или статистическая закономерность имеет в общественных явлениях свою специфику, обусловленную в основном двумя обстоятельствами: 1) возможностью сознательно направлять систему и управлять ею и 2) тем, что элементами общественной системы являются люди, которые в своих действиях иногда считаются лишь со своим узким личным интересом (возможность отклонения от целевого назначения системы). Эти два фактора влияют на статистические закономерности и в криминологических исследованиях.

Преступность не только стохастическое явление, где действуют лишь статистические закономерности. Она в определенной мере также и явление, сознательно управляемое в желаемом на-

¹² К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 21-25.

¹³ Там же, с. 22. "Своеобразие стохастической связи между переменными, — указывает А. А. Чупров, — определяет строй приемов и исследования. Способы, пригодные для изучения функциональной зависимости, не пригодны для изучения стохастической связи. Ч у п р о в А. А. Основные проблемы теории корреляции. М., 1926, с. 37; Стохастические связи — связи между случайными переменными, характеризующимися тем, что сочетания возможных значений одной из этих переменных с возможными значениями другой возникают с определенными вероятностями. При этом и переменные неслучайные, находящиеся в функциональной зависимости, могут преобразиться в случайные переменные, уже находящиеся в стохастической связи, если их измерение сопряжено с погрешностями. См. Д р у ж и н и н Н. К. Развитие основных идей статистической науки. М., 1979, с. 210.

ми направлении. Статистическая закономерность действует лишь при условии *rebus sic stantibus* - пока обстоятельства не изменились. Уровень, структура и т.д. зарегистрированной преступности претерпевают изменения в том случае, если существенным образом изменится уголовное законодательство или практика применения этого законодательства. А статистика учитывает только нелатентную преступность. Это во-первых.

Во-вторых, нельзя забывать, что уголовные законы применяют и борьбой против преступности руководят люди со всеми своими человеческими слабостями: личный интерес или интерес своего ведомства может быть для них гораздо ближе и важнее, чем общий. Напомним, например, предложения по упрощению действующего законодательства уголовного процесса (разрешить проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела; привлечь лиц, против которых имеется достаточно доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, к уголовной ответственности лишь тогда, когда предварительное расследование его дела практически уже закончено, и т.д.), не соответствующие действующим в советском уголовном процессе принципам объективной истины и защиты прав обвиняемого и могущие, таким образом, способствовать безосновательному осуждению.

И наконец, математика приходит на помощь и при разрешении сомнений относительно возможности при исследовании общественных явлений соблюдать требуемую дистанцию между исследователем и объектом исследования. Объективности исследования содействует, во-первых, общая, абстрактная сущность математических методов и использование машины для обобщения данных. Благодаря ЭВМ, собранные (и накопленные в ее памяти) данные можно рассматривать во всевозможных аспектах и связях - даже в таких, которые при ручной обработке были бы отброшены как бесперспективные. Ведь обобщение данных и начинается обыкновенно сопоставлением всех признаков изучаемых объектов со всеми другими признаками и составлением матрицы всех взаимодействующих связей между этими признаками. К тому же использование математических методов требует не только сопоставления изучаемых объектов, но и того или иного измерения результатов сопоставления, что относится также и к качественным признакам. Измерение же требует точных единиц и чисел

измерения, что уже обеспечивает объективность наблюдений¹⁴.

Преступность – динамическая система, состояние которой качественно и количественно постоянно варьируется. Центр тяжести диалектического учения о развитии состоит в диалектическом законе перехода количественных изменений в качественные и обратно. Обычно формой проявления этого закона является скачкообразное преобразование "случайных" признаков в необходимые. Этот "сговор" случайности и необходимости в наше время ещё раз подтверждает синергетика, по которой качественный скачок не возникает мгновенно, без подготовки предшествующих количественных сдвигов¹⁵. Как известно, все динамические системы стремятся развиваться в направлении энтропии как к состоянию наибольшей вероятности. При этом полное равновесие системы невозможно, ибо это значило бы отсутствие всякого движения и изменений. При качественном скачке в новое состояние требуется определенное время для преобразований, обусловленное зависимостью системы от предшествующего скачку состояния.

Нечто подобное отмечается и в криминологии в лице так называемого вставания в преступность. Обыкновенно преступление вырастает из предшествующих актов поведения с меньшей общественной опасностью, из административных проступков, из

---

¹⁴ При исследовании безнадзорности несовершеннолетних в Эстонской ССР мы использовали в качестве признака-индикатора, который измерял влияния других признаков, характеризующих личность и семейное положение несовершеннолетних, – различный образовательный уровень (число законченных классов) несовершеннолетних ровесников. См. Р а н д а л у Х. А., В ы - х а н д у Л. К. Многоаспектный анализ безнадзорности и преступности несовершеннолетних с помощью ЭВМ. – "Советское государство и право", 1975, № 7, с. 90-91; Применение перманентных автоматизированных систем обработки данных в криминологии. Таллин, 1978, с. 52-54.

Так как из различных форм связи причины и следствия (передача материи, энергии или информации) в обществе обнаруживается главным образом последняя – информационная связь, – то особенно эффективны для измерения тесноты корреляционных зависимостей социальных явлений информационные коэффициенты корреляции, например, коэффициент информативности, который измеряет в битах, какую долю в неопределенности первого признака X "снимает" информация о нем, заключенная в другом признаке Y . (см. Применение перманентных автоматизированных систем обработки данных в криминологии. 1978, с. 55).

¹⁵ См. Н а а н Г. Самоорганизуемый хаос. – "Горизонт". 1979, № 6, с. 4-9. (На эст. языке).

различных нарушений общепризнанных правил поведения. Преступность как бы произрастает на почве безнадзорности.

Особенно ясно выразилась эта тесная связь между преступностью и безнадзорностью при исследовании 10-17-летних несовершеннолетних, взятых на учет в комиссиях по делам несовершеннолетних Эстонской ССР: более двух третей взятых на учет по поводу безнадзорности несовершеннолетних совершили также и преступление или какое-либо иное правонарушение, в то время как, например, две пятых всех совершивших преступление несовершеннолетних были взяты на учет также и по поводу безнадзорности, побега из дому, ухода из школы или прогула.

Для исследования процесса вставания в преступность данные о взятых на учет в комиссиях по делам несовершеннолетних особенно уместны в первую очередь по двум причинам: 1) в комиссиях несовершеннолетние берутся на учет еще до уголовной ответственности - начиная с 10-летнего возраста; 2) поводом для взятия на учет являются, кроме преступления или административного проступка, и другие отклонения от общепринятого поведения несовершеннолетнего - безнадзорность, уход из школы, прогулы, побег из дому и т.д. При исследовании несовершеннолетних Эстонской ССР в 1969-1977 годы выяснилось, что акты преступного поведения совершаются уже в 10-11-летнем возрасте. Из всех 10-11-летних взятых на учет подростков более половины составили взятые на учет именно по поводу совершения преступления.

Поскольку 10-11-летних взятых на учет все же сравнительно мало (менее десятой части от всех взятых на учет), то на всех проживающих в Эстонской ССР 10-11-летних "малолетних преступников" приходится весьма мало. Однако начиная с 10-летнего возраста численность их постоянно возрастает. По сравнению с 10-летними на каждые 10 000 проживающих в Эстонской ССР 11-летних приходится уже в два раза больше "малолетних преступников", на 10 000 12-летних - в 2,5 раза, на 13-летних - в 4 раза и т.д. вплоть до 17-летних несовершеннолетних (начиная с 14-летнего возраста, кроме данных комиссий по делам несовершеннолетних, учитываются и несовершеннолетние, привлеченные к уголовной ответственности). По сравнению с 10-летними на 10 000 17-летних несовершеннолетних приходится в 20 раз больше зарегистрированных в качестве преступника.

Данные об осуждении судами показывают, что 14-17-лет-

ние несовершеннолетние по уровню и характеру своей преступности существенно не отличаются от совершеннолетних. Так, в 1976-1978 годах совершившие преступление в нетрезвом состоянии несовершеннолетние составили от всех несовершеннолетних осужденных на 9,0 % меньше, чем совершившие в нетрезвом состоянии преступление совершеннолетние от всех совершеннолетних осужденных; несовершеннолетними было совершено более чем в 2,5 раза больше групповых преступлений, чем совершеннолетними осужденными; совершившие преступление в городе несовершеннолетние преступники составляют от всех несовершеннолетних осужденных на 7,4 % больше, чем совершившие в городе преступления совершеннолетние соответственно от всех совершеннолетних осужденных. Среди несовершеннолетних более чем в 2,5 раза меньше работоспособных, которые не учились и не работали, более чем в 3 раза меньше лиц, имевших предыдущую судимость, приблизительно в 2,5 раза меньше осужденных в умышленном убийстве, почти вдвое больше осужденных в разбое и т.д. Таким образом, различия наблюдаются лишь в частоте наличия признаков, т.е. на количественном уровне.

Врастанию несовершеннолетних в преступность способствует, несомненно, и чувство несудимости. Большинство несовершеннолетних, совершивших преступление, не передают суду, их "наказание" ограничивается предупреждением или выговором в участке милиции или в комиссии по делам несовершеннолетних. Однако этого явно недостаточно, как показывают данные судебной статистики. Из всех несовершеннолетних, осужденных в последние годы судами, около половины были раньше задержаны милицией, несколько менее пятой части направлены в спецшколу, седьмая часть была освобождена от уголовной ответственности, несмотря на совершение преступления, и несколько менее седьмой части были осуждены судом. Весьма часто к совершению преступления склоняют несовершеннолетних и сами совершеннолетние - из всех осужденных несовершеннолетних более четверти составили лица, совершившие преступление вместе с совершеннолетними.

Представляется, что возрастание в преступность - это явление, которое еще весьма мало учитывается в профилактике преступности. В рамках настоящей статьи не было возможности подробно рассмотреть этот вопрос. Однако серьезное исследование этой явно существенной проблемы крайне необходимо.

Обобщение практики борьбы с преступностью является и источником для выработки эффективных мер по предупреждению преступлений. "... Надо сначала изучить наш собственный практический опыт, - учил В. И. Ленин, - и только на основании детального изучения соответствующих факторов рекомендовать исправление ошибок, улучшение работы"¹⁶.

---

¹⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 346.

ВЛИЯНИЕ ПОЛА ВИНОВНЫХ НА ВИД СОВЕРШЕННЫХ ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К. Н и г о л а,
канд. юрид. наук

1. УК ЭССР различает более 200 видов преступлений. Преступление, которое один человек совершает без долгих раздумий, другой не совершит ни при каких обстоятельствах. Готовность к совершению того или иного вида преступления (и ее реализация в преступном деянии) зависит от множества факторов. Одним из них служит половая принадлежность субъекта преступления, т.е. является он мужчиной или женщиной. В настоящей статье подвергается анализу зависимость вида совершенного преступления от половой принадлежности виновного.

Объектами исследования являлись все лица в возрасте 14-29 лет, не имевшие ранее судимости и осужденные судами ЭССР в 1976-1978 годы за хищения государственного или общественного имущества путем кражи (ст. 88 УК ЭССР), за ряд преступлений против личности (ст. 100, 101, 107, 108, 112 и 114 УК ЭССР), за кражи личного имущества граждан (ст. 139 УК ЭССР) или за хулиганство (ст. 195 УК ЭССР). Указанные ограничения в выборе объектов исследования вызваны тем, что на лица в возрасте от 14 до 29 лет приходится основная масса преступлений, а перечисленные виды преступлений характеризуются наибольшим удельным весом в структуре преступности в целом.

За исходный материал были приняты статистические карты на подсудимого. Занесенная на них информация была обработана на ЭВМ по методике и при непосредственном содействии старшего научного сотрудника Сектора права Института экономики Академии наук ЭССР доктора юридических наук Х. Рандаму.

В ходе анализа зависимости вида совершенного преступления от половой принадлежности виновных рассматриваются также возраст, образование, социальное положение, состояние алкогольного опьянения виновного во время совершения преступления и то, совершалось ли данное преступление группой или в одиночку.

Целью настоящей статьи является не обоснование, а лишь выявление обусловленных влиянием половой принадлежности особенностей совершенных виновными преступлений.

2.1. Удельный вес мужчин в рассматриваемом контингенте преступников составил 91,5 %, удельный вес женщин — 8,5 %. Таким образом, преступников мужского пола было в 10,8 раза больше преступниц. Поскольку удельный вес мужчин и женщин в народонаселении нашей страны резко отличается от вышеприведенного, правомерен вывод о том, что половая принадлежность оказывает существенное влияние на принятие решения совершить преступление.

Удельный вес преступников (мужчин и женщин вместе взятых), совершивших кражи личного имущества граждан, хулиганства и кражи социалистического имущества, в общей численности рассматриваемого контингента почти одинаков и составляет соответственно 31,9; 31,2 и 29,3 %. Виновные, осужденные за преступления против личности, составили всего лишь 7,6 %.

Анализ структуры преступности продемонстрировал различия в склонности мужчин и женщин в отдельности к совершению преступлений того или иного вида. Так, в структуре преступности мужчин можно пронаблюдать следующую последовательность видов совершенных ими преступлений, упорядоченную по уменьшению их удельного веса: на первом месте оказались хулиганы, на втором — лица, совершившие кражи социалистического имущества, на третьем — лица, совершившие кражи личного имущества граждан. В части женщин последовательность отличается от вышеприведенной: на первом месте — лица, совершившие кражи личного имущества граждан, на втором — лица, совершившие кражи социалистического имущества, и на третьем — лица, совершившие преступления против личности. На долю мужчин пришлось меньше всего преступлений против личности, на долю женщин — хулиганств (см. табл. I).

Для осуществления дифференцированной профилактики преступлений недостаточно знания удельного веса преступлений того или иного вида в структуре преступности мужчин и женщин. Необходимо также знать, какова степень готовности мужчин и женщин в отдельности к совершению преступлений различных видов.

С целью ответа на данный вопрос за исходный в настоящем исследовании принимался удельный вес мужчин и женщин

Т а б л и ц а I
Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности виновных
/в процентах/

Половая принадлежность виновных	В и д ы п р е с т у п л е н и й					Всего	Средний удельный вес
	Кражи социалистического имущества	Преступления против личности	Кражи личного имущества гр.	Хулиганства			
Мужчины	29,9 93,5 /1,02/x	7,6 90,0 /0,98/	29,0 83,5 /0,90/	33,5 98,3 /1,07/		100,0	91,5
Женщины	22,5 6,5 /0,76/	9,1 10,0 /1,2/	62,2 16,5 /1,9/	6,2 1,7 /0,2/		100,0	8,5
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0			
Относительная величина сравнения	14,4	9,0	5,1	57,8			10,8

x Число 1,02 означает, что процент 93,5 обозначающий удельный вес мужчин среди лиц, совершивших кражи социалистического имущества, в 1,02 раза больше среднего удельного веса мужчин в изучаемой контингенте преступников (91,5%), т.е. отношение чисел 93,5 к 91,5 есть 1,02. Аналогичное значение имеют все числа таблицы, приведенные в скобках. Числа, незначительно отличающиеся от 1, округлены до сотых.

среди лиц, совершивших преступления каждого указанного вида, который затем сравнивался с показателем среднего удельного веса мужчин и женщин в рассматриваемом контингенте преступников. При этом мы исходили из предпосылки, согласно которой совпадение указанных показателей свидетельствует об отсутствии влияния фактора половой принадлежности на принятие решения совершить преступление данного вида; влияние этого фактора на процесс принятия решения совершить преступление налицо в том случае, если удельный вес мужчин и женщин, совершивших преступления того или иного вида, больше (или меньше) их среднего удельного веса. В первом случае можно говорить о благоприятствующем совершению преступления конкретного вида влиянии, во втором – о препятствующем. При таком сравнении указанных показателей можно говорить о степени склонности мужчин или женщин к совершению преступлений того или иного вида. Степень склонности к совершению преступления того или иного вида тем больше, чем больше удельный вес виновных, совершивших преступления определенного вида, превосходит их средний удельный вес в рассматриваемом контингенте, и наоборот.

Данные таблицы I позволяют сделать следующий вывод: удельный вес мужчин наиболее велик среди лиц, совершивших хулиганства, и несколько меньше – среди лиц, совершивших кражи социалистического имущества (98,3 и 93,5 % соответственно, или в 1,07 и 1,02 раза больше среднего удельного веса мужчин в рассматриваемом контингенте). Меньше всего удельный вес мужчин, совершивших кражи личного имущества граждан (83,5 %). Следовательно, лица мужского пола рассматриваемого контингента проявили наибольшую склонность к совершению хулиганств и несколько меньше – к совершению краж социалистического имущества, наименьшую склонность мужчины проявили к совершению преступлений против личного имущества граждан. В контингенте женщин наблюдается прямо противоположная тенденция. Таким образом, влияние фактора половой принадлежности сказалось не только на общем числе совершенных преступлений, но и на выборе видов совершенных преступлений.

Интенсивность влияния фактора половой принадлежности на принятие решения совершить преступление того или иного вида отражается соотношением удельного веса мужчин и женщин в контингенте лиц, совершивших преступления того или иного

вида, или относительной величиной сравнения. Чем больше относительная величина сравнения, тем сильнее влияние. Таблица I позволяет убедиться в том, что удельный вес мужчин и женщин различался больше всего в части совершенных хулиганств: удельный вес мужчин оказался в 57,8 раза больше удельного веса женщин ($98,3 : 1,7 = 57,8$). Относительные величины сравнения в части краж социалистического имущества, преступлений против личности и краж личного имущества граждан равнялись соответственно 14,9, 9,0 и 5,1. Следовательно, фактор половой принадлежности виновного оказал наибольшее влияние на принятие решения совершить хулиганство и наименьшее - на принятие решения совершить преступления против личного имущества граждан.

2.2. А priori можно сказать, что такие факторы, как возраст, образовательный уровень, социальное положение и т.д., также оказывают влияние на принятие решения совершить преступление того или иного вида наряду с признаком половой принадлежности. Однако трудно предсказать, одинаково ли влияние этих факторов на принятие соответствующего решения мужчинами и женщинами. Чтобы добиться ясности в этом вопросе, нами далее рассматривается зависимость структуры преступности мужчин и женщин, а также удельного веса мужчин и женщин среди лиц, совершивших преступления того или иного вида, от возраста, образовательного уровня и прочих параметров.

2.3. 14-15-летние преступники составили от изучаемых лиц 10,6 %, 16-17-летние - 27,7 %, 18-24-летние - 43,1 % и 25-29-летние - 18,6 %.^I

Распределение мужчин и женщин по возрастным группам приведено в таблице 2.

---

^I Тот факт, что наибольший удельный вес в рассматриваемом контингенте пришелся на лица в возрасте от 18 до 24 лет, еще не означает, что они совершали преступления чаще, чем другие. Необходимо учесть, что данная возрастная группа охватывает 7 лет жизни, таким образом, в среднем на каждый год приходится 6,2 % преступлений ($43,1 : 7 = 6,2$), на 14-15-летних преступников в таком случае приходится в среднем 5,3% преступлений, на 16-17-летних - 13,9 % и на 25-29-летних - 3,7 %. Следовательно, рассмотренные преступления чаще всего совершали 16-17-летние и наиболее редко - 25-29-летние лица. С переходом из возрастной группы 14-15-летних в группу 16-17-летних совершение преступлений резко участилось и с переходом из группы 16-17-летних в группу 18-24-летних - почти так же резко поредело.

Т а б л и ц а 2

Поло-возрастное распределение преступников
/в процентах/

Половая принадлежность виновных	В о з р а с т , г о д ы				Средний удельный вес
	14-15	16-17	18-24	25-29	
М у ж и ч и н ы	10,9 94,4 /1,03/	29,0 95,7 /1,04/	41,9 89,1 /0,97/	18,2 89,4 /0,98/	100,0 91,5
Ж е н щ и н ы	7,0 5,6 /0,7/	14,0 4,3 /0,5/	55,6 10,9 /1,28/	23,4 10,6 /1,24/	100,0 8,5
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	
О т н о с и т . в е л и ч и н а с р а в н е н и я	16,9	22,3	8,2	8,4	10,8

Оказалось, что как среди мужчин, так и среди женщин наибольшим был удельный вес лиц в возрасте 18-24 лет. На втором месте по численности среди мужчин оказались лица в возрасте 16-17 лет и на третьем - лица в возрасте 25-29 лет, среди женщин на втором месте оказались 25-29-летние и на третьем - лица в возрасте 16-17 лет. Следует отметить, что несовершеннолетние составили 39,9 % от контингента мужчин и 21,0 % от контингента женщин. Таким образом, преступность мужчин "моложе".

Таблица 2 свидетельствует также о том, что удельный вес представительниц возрастных групп 18-24- и 25-29-летних приблизительно в 2 раза больше их удельного веса в прочих возрастных группах. Удельный вес мужчин в рассматриваемых возрастных группах столь резко не различается. Следовательно, частота совершения преступлений входящими в различные возрастные группы мужчинами 14-29 лет отличалась большей однородностью, чем частота совершения преступлений женщинами этого же возрастного периода. Совершение преступлений женщинами резко участилось с достижением ими совершеннолетия.

Удельный вес мужчин и женщин больше всего различался в возрастной группе 16-17-летних и довольно значительно - в группе лиц 14-15 лет (относительные величины сравнения - соответственно 22,3 и 16,9). В остальных возрастных группах данный показатель заметно меньше. Таким образом, половая принадлежность оказывает значительно большее влияние на принятие несовершеннолетними решения совершить преступление, чем на принятие этого же решения взрослыми.

Таблица 3 позволяет утверждать, что удельный вес лиц одного и того же пола, совершивших преступления различного вида, различается в зависимости от их возраста, и что у мужчин в определенном возрасте существует большая склонность к совершению преступлений одного вида, у женщин - к совершению преступлений другого вида. Следовательно, возраст оказывает неодинаковое влияние на преступность мужчин и женщин.

Возраст обусловил наибольшие расхождения в удельном весе мужчин и женщин, совершивших преступления против личности и хулиганства. Так, несовершеннолетние женщины не совершили ни одного преступления против личности, в числе хулиганов их удельный вес также весьма незначителен. С переходом из одной возрастной группы (18-24) в другую (25-29) удельный вес мужчин в части преступлений указанных видов

Т а б л и ц а 3

Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности и возраста виновных /в процентах/

Половая принадлежность и возраст виновных	Виды преступлений					Всего	Средний удельный вес
	Кражи социального имущества	Преступления против личности	Кражи личного имущества граждан	Хулиганства			
I	2	3	4	5	6	7	
Мужчины 14-15 лет	96,1 /1,02/	48,5 100,0 /1,06/	2,0 90,0 /0,95/	35,6 100,0 /1,06/	13,9	100,0	94,4
Женщины 14-15 лет	3,9 /0,70/	33,3	-	66,7 /1,80/	-	100,0	5,6
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	24,6	с	с	с	с	с	16,9
Мужчины 16-17 лет	96,1 /1,0/	27,2 100,0 /1,04/	2,9 91,5 /0,96/	32,1 99,0 /1,03/	37,8	100,0	95,7
Женщины 16-17 лет	3,9 /0,91/	25,0	-	66,7 /2,0/	8,3 /0,23/	100,0	4,3
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	24,6	с	с	с	с	с	22,3

I	2	3	4	5	6	7
Мужчины 18-24 лет	24,5 91,4 /1,03/	8,6 91,7 /1,03/	27,6 76,7 /0,86/	39,3 98,1 /1,1/	100,0	89,1
Женщины 18-24 лет	18,9 8,6 /0,79/	6,3 8,3 /0,8/	68,5 23,3 /2,1/	6,3 1,9 /0,17/	100,0	10,9
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	10,6	11,0	3,3	51,6		8,2
Мужчины 25-29 лет	35,4 91,8 /1,03/	15,9 85,1 /0,95/	23,4 81,9 /0,92/	25,3 97,0 /1,09/	100,0	89,4
Женщины 25-29 лет	26,7 8,2 /0,77/	23,3 14,9 /1,4/	43,3 18,1 /1,7/	6,7 3,0 /0,28/	100,0	
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	11,2	5,7	4,5	32,3		8,4

несколько уменьшился, удельный вес женщин же соответственно увеличился, в особенности в части совершения преступлений против личности.

Следует отметить еще одну тенденцию: переход из первой возрастной группы во вторую и затем в третью сопровождался у женщин последовательным увеличением их удельного веса в контингенте лиц, совершивших кражи личного имущества граждан.

Приведенные в таблице 3 относительные величины сравнения вновь подтверждают вышеприведенную закономерность, что влияние половой принадлежности больше подвержены несовершеннолетние, чем взрослые, причем это влияние было наиболее велико при принятии несовершеннолетними решения совершить преступления против личности и хулиганство, на взрослых половая принадлежность оказывала влияние при принятии решения совершить хулиганство и кражу социалистического имущества.

2.4. Преобладающее большинство рассматриваемых преступников имело 8 классов образования и больше. Более низкий образовательный уровень характеризовал 24,7 % контингента (25,0 % мужчин и 16,3 % женщин).

Если учесть, что среди лиц с образованием 7 и меньше классов² мужчины составляли 94,3 %, а с образованием 8 и больше классов³ - 90,6 % (женщины соответственно 5,7 и 9,4 %) и что мужчины составляли от всего рассматриваемого контингента 91,5 и женщины 8,5 %, то можно заключить, что мужчины с более низким образовательным уровнем сравнительно чаще совершают преступления, чем с таким же образовательным уровнем женщины, а женщины с более высоким образовательным уровнем совершают преступления чаще, чем мужчины с аналогичным образовательным уровнем.

Интуиция подсказывает, что низкий образовательный уровень обуславливает прежде всего совершение хулиганств. Однако на деле это не всегда так. Согласно исследованию, на лица с более низким образовательным уровнем приходилось 35,0 % краж социалистического имущества, 5,8 % преступлений против личности, 38,8 % краж личного имущества граждан и 20,4 % хулиганств. В части лиц с большим образовательным уровнем соответствующие показатели следующие: 27,5, 8,2,

---

² В дальнейшем - более низкий образовательный уровень.

³ В дальнейшем - более высокий образовательный уровень.

Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности и образовательного уровня виновных /в процентах/

	В и д ы п р е с т у п л е н и й				Всего	Средний удельный вес
	Кражи социалистического имущества	Преступления против личности	Кражи личного имущества граждан	Хулиганства		
Половая принадлежность и образовательный уровень виновных						
Мужчины с 7 и меньше классами образования	36,1 97,3 /1,03/	5,6 90,7 /0,96/	36,8 89,5 /0,95/	21,6 99,3 /1,05/	100,0	94,3
Женщины с 7 и меньше классами образования	16,7 2,7 /0,47/	9,5 9,3 /1,6/	71,4 10,5 /1,8/	2,4 0,7 /0,12/	100,0	5,7
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относительная величина сравнения	36,0	9,8	8,5	141,9		16,5
Мужчины с 8 и больше классами образования	27,8 91,9 /1,01/	8,1 89,9 /0,99/	26,5 80,9 /0,89/	37,6 98,1 /1,08/	100,0	90,6
Женщины с 8 и больше классами образования	23,7 8,1 /0,86/	8,8 10,1 /1,07/	60,5 19,1 /2,03/	7,0 1,9 /0,2/	100,0	9,4
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относительная величина сравнения	11,3	8,9	4,2	51,6		9,6

29,6 и 34,7 %. Таким образом, в структуре преступности лиц с более низким образовательным уровнем преобладали кражи, с более высоким — хулиганства и преступления против личности.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что образовательный уровень оказывал на женскую преступность значительно больше влияния, чем на мужскую. Подобный вывод вытекает из того обстоятельства, что удельный вес мужчин с определенным образовательным уровнем среди лиц, совершивших преступления того или иного вида, сравнительно мало отличался от среднего удельного веса преступников мужского пола с таким же образовательным уровнем. Так, самым большим был удельный вес мужчин с более низким образовательным уровнем среди хулиганов (99,3 %). Однако этот удельный вес лишь в 1,05 раза больше среднего удельного веса преступников мужского пола с этим же образовательным уровнем. Среди женщин удельный вес преступниц с более низким образовательным уровнем был наибольшим среди лиц, совершивших кражи личного имущества граждан и преступления против личности (10,5 и 9,3 % соответственно). Эти проценты соответственно в 1,8 и 1,6 раза больше среднего удельного веса преступниц с указанным образовательным уровнем.

С ростом образовательного уровня изменилось соотношение удельного веса мужчин и женщин в рамках контингентов преступников, совершивших преступления того или иного вида. Изменился и удельный вес совершивших преступления того или иного вида лиц в структуре мужской и женской преступности. Так, если среди мужчин с более низким образовательным уровнем наиболее велик был удельный вес лиц, совершивших кражи личного имущества граждан, и наиболее мал — удельный вес лиц, совершивших преступления против личности (у женщин наибольший удельный вес — 71,4 % — среди лиц, совершивших кражи личного имущества граждан, и наименьший — среди лиц, совершивших хулиганства), то с повышением образовательного уровня картина меняется: в структуре мужской преступности удельный вес совершивших хулиганства лиц переместился с третьего места на первое при росте удельного веса, равном 16 %, у женщин же на первом месте продолжают оставаться преступления против личного имущества граждан, хотя удельный вес совершивших преступления этого вида лиц в структуре женской преступности снижается на 10,9 %.

Из таблицы 4 также следует, что относительные величины сравнения удельного веса мужчин и женщин с более низким образовательным уровнем, совершивших преступления того или иного вида, значительно больше различаются между собой, нежели эти же показатели в части мужчин и женщин с более высоким образовательным уровнем. Следовательно, с ростом образовательного уровня влияние половой принадлежности на принятие решения совершить преступление снижается. Наибольшим было влияние половой принадлежности на принятие лицами с более низким образовательным уровнем решения совершить хулиганство, а также кражи социалистического имущества (относительные величины сравнения соответственно 141,9 и 36,0). Следует отметить также достаточно большое влияние половой принадлежности на принятие лицами с более высоким образовательным уровнем решения совершить хулиганство (относительная величина сравнения 51,6).

2.5. Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что среди преступников как женского, так и мужского пола было больше всего рабочих. Сравнительно много было и учащихся, причем

Т а б л и ц а 5
Социальное положение виновных в зависимости от
их половой принадлежности /в процентах/

Социальное положение	Половая принадлежность		
	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины вместе
Рабочие	60,0	58,3	60,4
Несовершеннолетние учащиеся	29,6	16,0	28,7
Совершеннолетние учащиеся	4,6	6,3	4,7
Колхозники	3,3	2,8	3,3
Служащие	1,0	10,3	1,6
Иные работники	0,1	1,7	0,2
Пенсионеры, домохозяйки, нетрудоспособные, лица, находящиеся на иждивении	0,7	4,6	1,0
Заклученные	0,1	-	0,1
В с е г о	100,0	100,0	100,0

последние были представлены главным образом несовершеннолетними. Следует отметить, что удельный вес учащихся был значительно больше среди мужчин. Среди женщин же сравнительно большим удельным весом отличались служащие, а также группа неработающих лиц.

Среди рабочих наибольшим был удельный вес хулиганов (36,3 %), на втором и третьем местах - лица, совершившие кражи социалистического имущества (27,0 %) и кражи личного имущества граждан (26,1 %). В структуре преступности учащихся удельный вес лиц, совершивших перечисленные выше преступления, различается весьма незначительно (удельный вес воров личного имущества граждан составляет 33,4 % лиц, совершивших кражи социалистического имущества, - 32,4 % и хулиганов - 32,3 %. Лица, совершившие преступления против личности, составили от всех совершивших преступления рабочих 10,6 и от совершивших преступления учащихся 2,0 %. Если учесть, что удельный вес воров и хулиганов среди всех рассмотренных преступников также почти не различается между собой (см. 2.1), то особенностью структуры преступности учащихся можно считать меньший удельный вес лиц, совершивших преступления против личности. Характерным для структуры преступности рабочих является сравнительно большой удельный вес хулиганов и сравнительно меньший - лиц, совершивших кражи личного имущества граждан. Поскольку преступников с иным социальным положением было значительно меньше, сравнение удельного веса совершенных ими преступлений не позволяет делать достоверных выводов.

При сопоставлении данных таблиц I и 6 оказалось, что удельный вес совершивших преступления рассматриваемых видов мужчин и женщин не различается сколько-либо значительно в зависимости от того, являются ли субъекты преступления рабочими. Это означает, что статус рабочего не внеб каких-либо серьезных коррективов в преступные склонности лиц различной половой принадлежности. Поскольку среди учащихся женского пола было сравнительно мало преступниц, мы не сочли целесообразным подробнее останавливаться на сравнении преступлений учащихся девушек и юношей.

При сравнении таблиц I и 6 оказалось также, что рабочие и учащиеся мужского пола совершали преступления чаще работниц и учениц.

Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности и социального положения виновных /в процентах/

Половая принадлежность и социальное положение виновных	В и д ы п р е с т у п л е н и й				Средний удельный вес
	Кражи социального имущества	Преступления против личности	Кражи личного имущества граждан	Хулиганства	
Рабочие мужского пола	27,3 94,3 /1,0/	10,2 89,7 /0,96/	24,0 86,4 /0,93/	38,5 98,9 /1,06/	100,0 93,4
Рабочие женского пола	23,5 5,7 /0,86/	16,7 10,3 /1,6/	53,9 13,6 /2,1/	5,9 1,1 /0,17/	100,0 6,6
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Относит. величина сравнения	16,5	8,7	6,4	89,9	14,2
Учащиеся мужского пола	32,8 96,8 /1,01/	2,1 100,0 /1,05/	31,7 90,6 /0,95/	33,4 91,0 /0,95/	100,0 95,4
Учащиеся женского пола	23,1 3,2 /0,7/	-	69,2 9,4 /2,04/	7,7 9,0 /1,96/	100,0 4,6
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Относит. величина сравнения	30,3	∞	9,6	10,1	10,7

2.6. При совершении преступления 54,1 % лиц находились в состоянии алкогольного опьянения, в том числе 56,7 % мужчин и 24,9 % женщин. Таким образом, удельный вес мужчин, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, более чем вдвое превышал удельный вес женщин, совершивших преступления также в нетрезвом состоянии. Среди лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, мужчины составляли 96,2 % и женщины 3,8 %, среди совершивших преступления в трезвом состоянии - 86,2 и 13,8 % соответственно.

Среди лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, наибольшим удельным весом характеризовались хулиганы (последние составили 48,4 %). На втором и третьем местах соответственно оказались лица, посягнувшие на личное имущество граждан (22,3 %) и на социалистическое имущество (19,1 %).

Среди мужчин, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, наибольший удельный вес характеризовал также хулиганов, в то время как среди женщин, совершивших преступления в нетрезвом состоянии, наибольший удельный вес пришелся на лиц, посягнувших на личное имущество граждан. Среди совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения мужчин наименьший удельный вес характеризовал лиц, совершивших преступления против личности, среди женщин - лиц, посягнувших на социалистическое имущество (см. табл. 7).

Если бы удельный вес мужчин и женщин, совершивших преступление какого-либо определенного вида в нетрезвом состоянии, совпадал с их удельным весом при совершении ими этого же вида преступлений в трезвом состоянии, можно было бы говорить об отсутствии влияния состояния алкогольного опьянения на принятие решения совершить преступление этого вида. Из таблицы 7 следует, что влияние этого фактора очевидно. Это подтверждается тем обстоятельством, что удельный вес мужчин оказался большим и удельный вес женщин меньшим в части преступлений всех видов, совершенных ими в состоянии алкогольного опьянения, по сравнению с удельным весом лиц, совершивших в трезвом состоянии преступления этих же видов. Удельный вес мужчин в зависимости от состояния алкогольного опьянения претерпел наиболее значительные изменения в части

Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности виновных и их состояния алкогольного опьянения во время совершения преступления / в процентах/

	В и д ы п р е с т у п л е н и й				Всего	Средний удельный вес
	Кражи социалистического имущества	Преступления против личности	Кражи лично-граждан	Хулиганства		
Половая принадлежность виновных и наличие (отсутствие) состояния алкогольного опьянения во время совершения преступления						
Мужчины в состоянии алкогольного опьянения	19,5 98,4 /1,02/	10,0 94,0 /0,98/	20,7 89,1 /0,93/	49,8 98,9 /1,02/	100,0	96,2
Женщины в состоянии алкогольного опьянения	7,8 1,6 /0,42/	15,6 6,0 /1,6/	62,5 10,9 /2,9/	14,1 1,1 /0,29/	100,0	3,8
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	61,5	15,7	8,2	89,9		25,3
Мужчины в трезвом состоянии	43,6 90,8 /1,05/	4,2 79,7 /0,92/	40,0 80,0 /0,93/	12,2 95,5 /1,1/	100,0	86,2
Женщины в трезвом состоянии	27,5 9,2 /0,67/	6,7 20,3 /1,5/	62,2 20,0 /1,4/	3,6 4,5 /0,33/	100,0	13,8
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	9,9	3,9	4,0	21,0		6,3

совершивших преступления против личности (94,0 % в состоянии алкогольного опьянения и 79,7 % в трезвом состоянии, удельный вес женщин - в части совершивших кражи социалистического имущества (1,6 % в нетрезвом и 9,2 % в трезвом состоянии).

2.7. Удельный вес лиц, совершивших преступления в группе, составил 59,6 %, в том числе в группе совершили преступления 61,9 % мужчин и 35,0 % женщин. Большой удельный вес групповой преступности среди мужчин доказывается еще и тем, что от всех совершивших преступления в группе лиц на мужчин приходилось 95,0 и на женщин 5,0 %, в то время как среди лиц, совершивших преступления в одиночку, мужчины составили 86,4 и женщины 13,6 %.

Мужчины и женщины вместе совершили больше всего групповых преступлений против социалистического имущества (38,1 % от общего числа изученных лиц). На втором и третьем месте с почти одинаковым удельным весом оказались лица, совершившие кражи личного имущества граждан и хулиганства (30,9 и 28,9 % соответственно). Лица, совершившие в группе преступления против личности, составили ничтожную долю - 2,1 %.

Среди мужчин, совершивших преступления в группе, наибольшим удельным весом отличались лица, посягнувшие на социалистическое имущество, затем хулиганы и на третьем месте оказались лица, совершившие кражи личного имущества граждан. Женщины совершали в группе главным образом кражи.

Таблица 8 выявляет влияние группового характера совершенного преступления на удельный вес мужчин и женщин среди лиц, совершивших преступления определенных видов. Особенно четко это проявляется в части преступлений против личности. Удельный вес женщин в контингенте лиц, совершивших в группе преступления против личности, больше их удельного веса среди лиц, совершивших преступление этого же вида в одиночку. В части остальных рассматриваемых видов преступлений мы сталкиваемся с противоположным явлением.

В ы в о д ы : Половая принадлежность лиц оказывает существенное влияние на принятие решения совершить преступление. Влияние этого фактора сказывается как на количестве совершенных преступлений, так и на склонности виновных к совершению преступлений того или иного вида. Исследование показало также, что влияние некоторых иных факторов (возраст, образовательный уровень и т.д.) на преступность мужчин отличается от их влияния на женскую преступность.

Виды совершенных преступлений в зависимости от половой принадлежности виновных
 и наличия (отсутствия) группового характера совершенных преступлений / в процентах /

Половая принадлежность виновных и наличие (отсутствие) группового характера преступления	В и д ы п р е с т у п л е н и й				Всего	Средний удельный вес
	Кражи соц. имущества	Преступления против личности	Кражи личного имущ. граждан	Хулиганства		
Мужчины, совершившие прест. в группе	38,5 96,1 /1,01/	2,0 89,5 /0,94/	29,4 90,3 /0,95/	30,1 99,0 /1,04/	100,0	95,0
Женщины, совершившие прест. в группе	3,9 /0,8/	4,4 10,5 /2,1/	60,0 9,7 /1,9/	5,6 1,0 /0,2/	100,0	5,0
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	24,6	8,5	9,3	99,0		19,0
Мужчины, совершившие прест. в одиночку	15,5 84,4 /0,98/	16,4 90,2 /1,04/	28,5 74,0 /0,86/	39,3 97,4 /1,1/	100,0	86,4
Женщины, совершившие прест. в одиночку	18,6 15,6 /1,1/	11,4 9,8 /0,7/	63,5 26,0 /1,9/	16,5 2,6 /0,2/	100,0	13,6
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0		
Относит. величина сравнения	5,4	9,2	2,8	37,5		6,4

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ЦЕЛЬЮ ПРИБРЕТЕНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ

Х. К я р т н е р,
канд. юрид. наук

До последнего времени исследование проблемы влияния алкоголя на преступность велось, в основном, в двух направлениях - в направлении изучения преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, и несколько реже - в направлении изучения преступлений, совершенных хроническими алкоголиками. При этом за основные показатели вполне обоснованно принимался удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и хроническими алкоголиками. Всестороннее изучение роли алкоголя в генезисе преступного поведения, разработка мер по уменьшению числа преступлений, совершаемых под влиянием алкоголя, обуславливает целесообразность рассмотрения и такого аспекта данного вопроса как совершение преступления с целью приобретения алкогольных напитков. Однако до сих пор этот аспект влияния алкоголя на преступность освещался крайне недостаточно. Данную проблему целесообразно изучать на базе корыстных преступлений, поскольку преступления, совершенные с целью приобретения алкогольных напитков, всегда представляют собой корыстную деятельность.

Данные настоящей статьи опираются на криминологическое исследование преступлений, совершенных в ряде районов и городов Эстонской ССР, по которым в 1976 и 1977 годах было возбуждено уголовное дело¹. Считать ли при этом то или иное преступление совершенным с целью приобретения алкогольных напитков, решалось лицом, заполнявшим учетную карточку личности преступника по материалам соответствующего уголовного де-

---

¹ Настоящее криминологическое исследование опирается приблизительно на 20 % преступлений, по которым в 1976-1977 годы в Эстонской ССР были возбуждены уголовные дела.

ла, - следователем, ведущим дознание лицом либо осуществляющим надзор прокурором (заместителем прокурора, помощником прокурора).

Здесь необходимо отметить, что данные, касающиеся удельного веса преступлений, совершенных с целью приобретения алкогольных напитков, значительно различаются в зависимости от того, какие преступления считать совершенными с целью приобретения алкогольных напитков, - только те, которые были совершены с целью завладения алкогольными напитками для их употребления (причем сюда автор относит и противозаконное изготовление алкогольных напитков с целью их употребления), или также и преступления, совершенные с целью завладения средствами на приобретение алкогольных напитков.

Проведенное в проблемной лаборатории криминологии ТГУ выборочное криминологическое исследование преступлений подтверждает, что удельный вес преступлений, которые были совершены только с целью завладения алкогольными напитками для их употребления, в структуре преступлений в 5 раз меньше удельного веса преступлений, совершенных в виде завладения как непосредственно алкогольными напитками, так и средствами для их приобретения. Это означает, что большинство преступлений, конечная цель которых - приобретение алкогольных напитков, совершается с целью получения средств для приобретения алкогольных напитков. Особенно ярко это проявляется в наиболее общественно опасной форме имущественных преступлений - разбое /ст. 90 и 141 УК ЭССР/. Среди исследуемых преступников лишь 10,9 % совершили разбой непосредственно с целью завладения алкогольными напитками, в то время как преступники, совершившие разбой как непосредственно для завладения алкогольными напитками, так и с целью завладения средствами для их приобретения, составили 88,0 % от общего числа преступников этой категории. Следовательно, в настоящее время подавляющее большинство разбоев совершается с целью завладения средствами для приобретения алкогольных напитков. При этом следует отметить, что наиболее распространены разбои с целью хищения личного имущества граждан путем применения насилия, опасного для их жизни или здоровья. Так, 90,6 % анализируемых в настоящей статье совершивших разбой преступников совершили его против личного имущества граждан. Само собой разумеется, что разбойным путем завладеть деньгами или

прочими ресурсами сограждан с целью приобретения алкогольных напитков значительно легче, чем завладеть алкогольными напитками. Объясняется это просто: алкогольные напитки имеют немногие, в то время как деньги либо прочие материальные ресурсы, посредством которых можно приобрести алкогольные напитки, имеются почти у каждого.

В настоящей статье мы ограничиваемся анализом лишь тех преступлений, которые были совершены непосредственно с целью завладения алкогольными напитками, что обусловлено следующим обстоятельством: данные о преступлениях, совершенных с целью завладения материальными ресурсами для приобретения алкогольных напитков, зачастую остаются невыявленными. Объясняется это хорошей осведомленностью преступников в том, что совершенные преступления с целью завладения средствами для приобретения алкогольных напитков значительно больше порицается обществом, чем, например, совершение преступления, вызванного менее низменной причиной.

В связи с вышеприведенным вполне понятно, что большинство лиц, совершивших преступления с целью завладения средствами для приобретения алкогольных напитков, стремится в ходе следствия скрыть то обстоятельство, что преступление было совершено с целью завладения средствами для приобретения алкогольных напитков. При этом следует учесть, что во многих случаях утверждение, будто целью преступления, например, кражи, было не приобретение алкогольных напитков, а покупка для своей находящейся в материальных затруднениях семьи продуктов питания, невозможно опровергнуть в силу отсутствия доказательств (даже в том случае, если эти материальные затруднения вызваны тем, что совершившее преступление лицо - хронический алкоголик - систематически пропивало не только свою зарплату, но и зарплату жены, нисколько не заботясь ни о семье, ни о детях).

9,7 % рассматриваемых в настоящей статье корыстных преступников совершили преступления с целью непосредственного завладения алкогольными напитками. Из них 50,0 % совершили корыстные преступления против личного имущества граждан (ст. 139-143 УК ЭССР) и 45,9 % - хищения государственного или общественного имущества. Остальные 4,1 % лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, занимались самогонварением (ст. 149 УК ЭССР) и угоном автомашин

или иных механизированных транспортных средств (ст. 197 УК ЭССР)². Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, обращает на себя внимание доминирование преступников, совершивших кражи (ст. 88 и 139 УК ЭССР), которые составили 58,2 % от всех лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, в том числе воры государственного или общественного имущества составили 30,6 % и лица, совершившие кражи личного имущества граждан - 27,6 % от общего числа лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками. Значительный удельный вес воров среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, вызван тем, что, по имеющимся данным, кражи являются наиболее распространенным преступлением против имущества. Среди корыстных преступников 56,1 % составили воры и 27,1 % - прочие преступники против имущества.

Ниже мы рассмотрим удельный вес лиц, совершивших преступления непосредственно с целью завладения алкогольными напитками, т.е. удельный вес лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками для употребления последних, в различных группах и категориях преступников.

Среди всех расхитителей государственного или общественного имущества (ст. 88-94 УК ЭССР) лица, совершившие преступления с целью завладения алкогольными напитками, составили 12,9 %³. При этом наибольший удельный вес - 40,0 % - преступ-

---

² Угон автомобиля или иного механизированного транспортного средства с целью приобретения алкогольных напитков заключается в том, что на машине либо на ином механизированном средстве передвижения отравлялись совершать преступление либо отвозили похищенный алкоголь.

³ Отметим, что согласно данным выборочного криминологического исследования, проведенного в проблемной лаборатории криминологии ТГУ, 52,2 % хищений государственного или общественного имущества были совершены с целью завладения алкогольными напитками либо средствами для их приобретения.

На основании данных анализа, проведенного в Прокуратуре ЭССР, в качестве основной цели рецидива краж социалистического имущества в 53 % случаев было получение денег для покупки алкогольных напитков и в 10,6 % непосредственным объектом преступления служили алкогольные напитки. См. Е г о р о в Б. О причинах и обстоятельствах, способствующих рецидиву краж социалистического имущества. - "Советское право", 1973, № 2, с. 141.

ников, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, приходится на преступников, совершивших мелкие хищения государственного или общественного имущества. Это вполне объяснимо: ведь хищение алкогольных напитков - в особенности в магазинах самообслуживания - представляет собой преступление, достаточно часто квалифицируемое как мелкое хищение социалистического имущества. 18,2 % лиц, совершивших грабежи и разбои, и 12,8 % воров имели целью завладение алкогольными напитками.

Среди лиц, совершивших хищения государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением, 2,7 % преследовали цель завладения алкогольными напитками. По сравнению с прочими корыстными преступниками против имущества здесь удельный вес лиц, совершивших преступление с целью завладения алкогольными напитками, невелик - значительно ниже, чем среди прочих совершивших хищения преступников. Существенные различия в удельном весе лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, вызваны здесь сущностью этого преступления (ст. 93 УК ЭССР). Названное преступление предполагает хищение государственного или общественного имущества, вверенного виновному или находившегося в его ведении, а также хищение социалистического имущества путем злоупотребления должностного лица своим должностным положением. Субъектом хищений государственного или общественного имущества путем злоупотребления должностного лица своим должностным положением может быть только должностное лицо. Это же относится и к лицам, присваивающим или растрачивающим имущество, находящееся в их ведении. Лишь в отдельных случаях субъектом присвоения или растраты социалистического имущества может быть и не должностное лицо (когда имущество хотя и было вверено лицу, однако, не находилось в его ведении). Если совместно с лицом, признавшимся субъектом преступления согласно ст. 93 УК ЭССР, в хищении принимает участие также и какое-либо иное лицо, то и оно несет ответственность согласно ст. 93 УК ЭССР.

Таким образом, круг лиц, которые могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 93 УК ЭССР, достаточно ограничен. В связи с этим имеется возможность не назначать на должности, позволяющие похищать алкогольные напитки, лиц,

склонных к злоупотреблению алкоголем. Обычно же людьми, совершающими преступления с целью завладения алкогольными напитками, являются те, которых характеризует склонность к злоупотреблению алкогольными напитками.

10,0 % корыстных преступников, совершивших преступления против личного имущества граждан, имели целью завладение алкогольными напитками. Эта цель оказалась наиболее распространенной среди грабителей (16,5 %). Эту же цель преследовали 9,7 % лиц, совершивших разбой, и 8,2 % - совершивших кражи⁴, а также 9,1 % лиц, совершивших хозяйственные преступления. Последние занимались самогонварением (ст. 149 УК ЭССР).

Завладение алкогольными напитками было целью 2,3 % лиц, совершивших корыстные преступления против общественного порядка и общественной безопасности. Совершенные ими преступления заключались в угоне автомашин или иных механизированных транспортных средств (ст. 197 УК ЭССР). Целью 3,7 % лиц, совершивших подобные преступления, было завладение алкогольными напитками.

Наблюдается весьма тесная связь между совершенными с целью завладения алкогольными напитками преступлениями и состоянием опьянения и хроническим алкоголизмом.

78,6 % лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, находились в состоянии алкогольного опьянения, причем 62,3 % последних являлись хроническими алкоголиками. В том числе среди расхитителей государственного или общественного имущества, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, 71,1 % находились в нетрезвом состоянии. Среди них, в свою очередь, 53,1 % являлись хроническими алкоголиками. Соответствующие проценты в части лиц, совершивших преступления против личного имущества граждан, оказались еще большими - 83,7 и 65,9.

Таким образом, основная часть лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, находилась

---

⁴ Согласно данным выборочного исследования, проведенного в проблемной лаборатории криминологии ТГУ, 54,5 % корыстных преступлений против личного имущества граждан были совершены с целью завладения алкогольными напитками либо средствами для их приобретения. При этом соответствующий процент в части краж составил 52,8, грабежей 51,2 и разбоев - 82,4.

при этом в состоянии алкогольного опьянения. Эти лица составили свыше 3/4 от всего рассматриваемого контингента. Это естественно: лица, совершающие преступления для приобретения алкогольных напитков, должны, как правило, испытывать большую потребность в алкогольных напитках. И в первую очередь эту потребность испытывают находящиеся в нетрезвом состоянии или в состоянии похмелья хронические алкоголики, а также прочие другие злоупотребители алкоголем. Это подтверждается и тем фактом, что большинство лиц, совершивших в состоянии алкогольного опьянения преступления с целью завладения алкогольными напитками, являлись хроническими алкоголиками.

Хронические алкоголики совершили 62,2 % всех преступлений, целью которых являлось завладение алкогольными напитками. Среди них 78,7 % совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения. В том числе соответствующие проценты в части расхитителей государственного или общественного имущества с целью завладения алкогольными напитками были 53,3 и 70,8 и среди лиц, с той же целью совершивших преступления против личного имущества граждан, — соответственно 67,3 и 81,8.

Таким образом, удельный вес хронических алкоголиков среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, во много раз больше их удельного веса в структуре населения в целом.⁵ Это логично: совершение преступления с целью завладения алкогольными напитками предполагает, как правило, сильную деградацию субъекта преступления и большую тягу его к алкоголю. Оба эти свойства типичны именно хроническим алкоголикам. Поэтому не явилось неожиданностью, что почти 2/3 лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, были хроническими алкоголиками. Логично и то, что подавляющее большинство — свыше 3/4 — хронических алкоголиков, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, действовали в нетрезвом состоянии, а в подобном состоянии тяга к алкоголю у хронических алкоголиков особенно велика.

Лица, совершившие преступления с целью завладения алко-

---

⁵ В качестве примера для сравнения отметим, что приблизительно 1 % жителей района обслуживания Тартуской республиканской психоневрологической больницы состоят на учете в диспансере по причине хронического алкоголизма.

гольными напитками, в среднем несколько старше лиц, совершивших прочие корыстные преступления. Так, 14-17-летние составили от совершивших корыстные преступления лиц 29,1 %, 18-25-летние - 30,8 %, 26-40-летние - 27,9 % и лица в возрасте 41 года и старше - 12,2 %. Возрастное распределение лиц, совершивших корыстные преступления с целью завладения алкогольными напитками, несколько отличается от вышеприведенного: 14-17-летние составляют здесь всего лишь 2 %, 18-25-летние - 31,6 %, 26-40-летние - 43,9 % и лица старше 40 лет - 22,4 %.

То обстоятельство, что лица, совершающие преступления с целью завладения алкогольными напитками, сравнительно старше лиц, совершающих прочие корыстные преступления, объясняется тем, что среди молодежи сравнительно меньше алкоголиков, чем среди людей среднего и пожилого возраста. Это, в свою очередь, вызвано тем, что хронический алкоголизм формируется в результате длительного (0,5 - 10 лет и дольше) злоупотребления спиртными напитками⁶.

Удельный вес женщин среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, во много раз меньше их удельного веса среди корыстных преступников в целом. Всего женщины составили от корыстных преступников 13,0 %. Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, женщины составили всего лишь 3,1 %. Столь большое различие объясняется главным образом тем, что среди женщин злоупотребление алкоголем распространено значительно меньше, чем среди мужчин.

Среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками 49,5 % составили лица, не состоящие в браке, 14,5 % - лица, состоящие в законном браке, 6,2 % - лица, состоящие в незарегистрированном браке, 19,6 % - разведенные и проживающие одни и 10,3 % - прочие лица, живущие отдельно от семьи. Соответствующие данные в части лиц, совершивших корыстные преступления, в целом, - 63,7; 21,2; 3,7; 9,1 и 2,4 %.

Таким образом, среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками было сравнительно меньше холостых, чем в целом среди лиц, совершивших корыстные прес-

---

⁶ См. Кару Э. и Саарма Ю. Материалы к практическим занятиям по психиатрии. На эст. яз. Тарту, 1976, с. 49.

тупления. Разница составила 14,2 % (49,5 и 63,7 %). Это объясняется тем, что совершающие преступления в целях завладения алкогольными напитками лица в среднем несколько старше прочих корыстных преступников.

Состоящие в браке лица составили от общего числа корыстных преступников 24,9 %, разведенные и живущие отдельно от семьи - 11,3 %. Известно, что в наше время хронический алкоголизм является одним из основных обстоятельств, служащих причинами разводов. Наблюдается, что среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, удельный вес состоящих в браке лиц несколько меньше (20,6 %), в то время как удельный вес разведенных и проживающих отдельно от семьи - более чем в 2,5 раза больше (29,9 %). Это объясняется тем, что среди разведенных и лиц, проживающих отдельно от семьи, наблюдается наибольшее число хронических алкоголиков. Так, согласно данным настоящего исследования, хронические алкоголики составили от холостых корыстных преступников 18,1 %, от состоящих в законном браке 18,4 %, от состоящих в незарегистрированном браке 30,6 %, от разведенных и проживающих в одиночку 58,4 % и от прочих лиц, живущих отдельно от семьи, 50,0 %.

Образовательный уровень лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, мало отличается от образовательного уровня прочих корыстных преступников. Это иллюстрирует следующая таблица.

Т а б л и ц а I
Образовательный уровень лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, и корыстных преступников в целом

Образовательный уровень	/в процентах/		
	Группа преступников	Лица, совершившие корыстные преступления, в целом	Лица, совершившие преступления с целью завладения алкогольными напитками
	1	2	3
до 4 классов		3,5	4,1
4-6 классов		23,7	25,5
7-8 классов		42,6	42,9

I	2	3
9-10 классов	14,7	13,3
среднее ⁷	9,6	7,1
среднее специальное	4,0	5,1
неполное высшее	0,5	2,0
высшее	1,4	-
В с е г о	100,0	100,0

Социальное положение лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, приводится в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Социальное положение лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, и корыстных преступников в целом

/в процентах/

Социальное положение	Группа преступников	Лица, совершившие корыстные преступления, в целом	Лица, совершившие преступления с целью завладения алкогольными напитками
Рабочий		64,7	84,5
Служащий		7,9	1,3
Работник сельского хозяйства		4,1	6,4
Ученик, студент		22,4	5,2
Пенсионер, инвалид		0,9	2,6
В с е г о		100,0	100,0

Мы видим, что удельный вес среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, более чем в 5 раз и удельный вес учащихся (в том числе и студентов) более чем в 4 раза меньше, чем их удельный вес среди корыстных

⁷ Было учтено, что среднее образование дают 10 классов средней школы с русским и II классов - с эстонским языком обучения.

преступников в целом. Зато среди рабочих, работников сельского хозяйства, а также пенсионеров и инвалидов удельный вес совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками больше, чем среди корыстных преступников в целом, что объясняется главным образом значительным дефицитом рабочей силы в части многих рабочих профессий и в сельском хозяйстве. Поэтому подбор кадров в подобных условиях оставляет желать много лучшего по сравнению, например, с подбором кадров служащих. Это, в свою очередь, вызывает то, что в ряды рабочих и сельскохозяйственных работников попадает сравнительно больше алкоголиков, в том числе и таких лиц, которые с целью завладения алкогольными напитками даже совершают преступления.

52,2 % корыстных преступников действовали в одиночку и 47,8 % - в группе. Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, соответствующие данные составляют 55,1 и 44,9 %. Таким образом, отрицательное влияние группы на совершение преступлений с целью завладения алкогольными напитками несколько меньше, чем на совершение корыстных преступлений в целом. В этом также проявляется тенденция, свидетельствующая о большей степени деградации лиц, совершающих преступления с целью завладения алкогольными напитками, по сравнению с прочими корыстными преступниками.

Эта же тенденция подтверждается тем фактом, что удельный вес лиц, совершивших с целью завладения алкогольными напитками преступления, состоящие из двух и более эпизодов, несколько больше, чем их удельный вес среди корыстных преступников в целом. Разница составляет 4,1 % (33,7 - 29,6 %).

Аналогичная тенденция проявляется и при анализе продолжительности преступного поведения. 61,4 % корыстных преступлений длились до одного дня, 38,6 % - два дня и дольше. При этом 58,2 % преступлений, совершенных с целью завладения алкогольными напитками, длились два дня и дольше. По сути дела это означает, что удельный вес неоднократных и продолжаемых преступлений среди преступлений, совершенных с целью завладения алкогольными напитками, больше, чем среди корыстных преступлений в целом.

С криминологической точки зрения интерес представляет и ответ на вопрос, где предварительно употребляли алкоголь лица, совершившие преступления с целью завладения алкоголь-

ными напитками. Соответствующие данные приведены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Места, где употребляли алкоголь лица, совершившие в состоянии алкогольного опьянения преступления с целью завладения алкогольными напитками

/в процентах/

Места употребления алкогольных напитков	Группы прес-туп-ников	Лица, совершившие корыстные престу-пления, в целом	Лица, совершившие преступления с це-лью завладения ал-когольными напитка-ми
На предприятиях общест-венного питания		13,5	12,5
В магазинах		1,9	2,1
На праздниках и других массовых мероприятиях		0,4	-
В других общественных местах		12,0	14,6
На месте своей работы		7,7	7,3
В гостях		15,0	17,7
Дома		14,2	8,3
В иных местах		33,7	34,4
В с е г о		100,0	100,0

Таблица выявляет, что места, где спиртные напитки употребляли лица, совершившие после этого корыстные преступления в целом либо преступления с целью завладения алкогольными напитками, различались между собой. Любопытно, что дома употребляла алкоголь лишь незначительная доля - 8,3 % лиц, совершивших затем преступления с целью завладения алкогольными напитками. Корыстные преступники в целом же значительно чаще - 14,2 % - употребляли предварительно алкоголь дома. Это различие объясняется в первую очередь тем, что среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, удельный вес лиц без постоянного места жительства, разведенных и прочих, проживающих отдельно от семьи, значительно больше, чем среди корыстных преступников в целом. В то же время среди лиц, в нетрезвом состоянии совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, удельный вес предварительно (непосредственно перед совершением преступле-

ния) употреблявших спиртные напитки в общежитии в два раза больше, чем среди корыстных преступников в целом.

Привлекает к себе внимание тот факт, что спиртные напитки сравнительно часто перед совершением преступления употребляли в таких местах, где употребление алкоголя запрещено. Это в первую очередь места работы, общежития, магазины и прочие общественные места. В местах, где употребление алкоголя запрещено, спиртные напитки употребляли 23,1 % лиц, совершивших затем в состоянии алкогольного опьянения корыстные преступления, в том числе среди лиц, совершивших преступления в нетрезвом состоянии с целью завладения алкогольными напитками, 27,1 %. Эти данные свидетельствуют о том, что необходимо бдительнее относиться к исполнению запрета употребления алкогольных напитков в общественных местах.

Известно, что нередки случаи, когда нетрезвому человеку или несовершеннолетнему продают алкогольные напитки. В свою очередь, это является обстоятельством, способствующим преступности, что подтверждается и данными, использованными в настоящей статье. 57,3 % виновным, совершившим в нетрезвом состоянии преступления с целью завладения алкогольными напитками, нельзя было продавать алкогольных напитков. И хотя соответствующие данные в части всех корыстных преступников, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, были несколько меньше (45,3 %), они все же достаточно высоки (разница в процентах обусловлена, по-видимому, большей активностью и агрессивностью первых). Из вышеприведенного вытекает необходимость еще строже требовать и проверять выполнение правил торговли алкогольными напитками, а также следить за тем, чтобы трезвые взрослые лица не покупали алкогольных напитков нетрезвым или несовершеннолетним по их просьбе, требованию, угрозе.

Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, удельный вес лиц, ведущих бродяжнический образ жизни, значительно больше, чем среди корыстных преступников в целом.

6,5 % от общего числа корыстных преступников проживали по последнему месту жительства менее одного года. Среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками такие лица составляют уже 11,2 %. И еще больше этот процент среди лиц, совершивших преступления в состоянии алко-

гольного опьянения, - 14,3 %. Менее одного года по последнему месту жительства проживало 13,1 % хронических алкоголиков, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками.

Различие приобретает еще большую остроту при сравнении данных относительно наличия или отсутствия постоянного места жительства. Постоянное местожительство отсутствовало у 11,6 % корыстных преступников в целом и у 25,5 % лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками.

Постоянное место работы отсутствовало у 21,7 % всех корыстных преступников. В условиях значительного дефицита рабочей силы этот процент следует признать очень высоким. Среди лиц же, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, этот процент еще выше - 51,0. Таким образом, более половины лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, не имели постоянного места работы. Среди лиц, в нетрезвом состоянии совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, 54,5 % не имели постоянного места работы. Среди хронических алкоголиков, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, без постоянного места работы было 65,6 %, т.е. почти 2/3.

Вышеприведенные данные указывают на то, что с точки зрения предупреждения преступлений, совершаемых с целью завладения алкогольными напитками, особенно большое значение имеет борьба с бродяжничеством, паразитизмом и нарушением паспортного режима, а также борьба за соблюдение трудовой дисциплины.

87,1 % лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, получили отрицательную характеристику с места работы, 5,4 % - положительную и 7,5 % - нейтральную, ни о чем не говорящую характеристику. Корыстные преступники в целом характеризовались с места работы главным образом отрицательно. Соответствующий процент - 67,6, положительная характеристика была выдана 21,1 % лиц, нейтральная - 11,3 %.

На основании характеристик также можно сделать вывод о том, что у лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, общественно опасная направленность укоренилась глубже, чем у корыстных преступников в целом.

Заклученные составили от корыстных преступников 4,4 %, от лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, - 10,2 %, т.е. более чем вдвое больше. Это свидетельствует в первую очередь о том, что в иных местах заключения нет должного порядка, чем и стремятся воспользоваться заключенные алкоголики.

О степени деградации личности корыстного преступника как такового и преступника, совершившего свое общественно опасное деяние с целью завладения алкогольными напитками, можно судить и на основании примененных к ним ранее мер воздействия. Одним из таких показателей является судимость. Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, судимые раньше лица составили 64,3 %, в том числе одна судимость была у 19,4 %, две и более судимостей - у 44,9 %. Среди корыстных преступников в целом соответствующие данные составили 34,8, 17,6 и 17,2 %. Особо опасные рецидивисты составили от лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, 2,0 %, от корыстных преступников в целом - 1,0 %.

Таким образом, среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, удельный вес лиц, имеющих судимость, почти вдвое больше по сравнению с их удельным весом среди корыстных преступников в целом. При этом удельный вес совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками лиц с двумя и более судимостями в 2,6 раза больше их удельного веса среди корыстных преступников в целом.

24,2 % корыстных преступников ранее несли наказание лишением свободы в исправительно-трудовом учреждении. Соответствующий процент среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, вдвое больше и составляет 51,0 %.

Также вдвое больше удельный вес лиц, судимость которых погашена либо снята, среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками. Удельный вес этих лиц среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками - 15,1 %, среди корыстных преступников в целом - 7,0 %. Последнее обстоятельство также свидетельствует о большей общественной опасности лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками по сравнению с ко-

рыстными преступниками в целом.

Удельный вес лиц, в течение двух лет после освобождения от несения наказания лишением свободы совершивших новое преступление, вдвое больше среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, чем среди корыстных преступников в целом. Соответствующие проценты - 36,7 и 17,6. Лица, со времени освобождения от наказания которых прошло два и более лет, составили среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками 6,1 % и среди корыстных преступников в целом - 3,5 %.

Таким образом, и в этих данных выражается тот факт, что удельный вес лиц с явной преступной склонностью значительно больше среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, чем среди корыстных преступников в целом. Аналогичная тенденция выявляется и при анализе лиц, совершивших преступления находясь под административным надзором. Последние составили 1,1 % от корыстных преступников в целом и 6,1 % (в 5 раз больше) от лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками.

Уровень общественной опасности преступника в значительной мере характеризует и то, было ли в его отношении в ходе предварительного следствия или дознания применено задержание в качестве подозреваемого и заключение под стражу в качестве обвиняемого. 23,5 % лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, были задержаны в качестве подозреваемых и 48,0 % было взято под стражу. Соответствующие проценты среди корыстных преступников в целом значительно меньше - 16,7 и 32,5. Таким образом, и эти данные как и многие другие, свидетельствуют о значительно большей общественной опасности лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, по сравнению с общественной опасностью корыстных преступников в целом.

Удельный вес наказанных в административном порядке среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, свыше двух раз больше, чем среди корыстных преступников в целом. Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, наказанные в административном порядке составили 50,0 %, среди корыстных преступников в целом - 22,0 %.

Дисциплинарные наказания, общественные и прочие меры

воздействия применялись реже к лицам, совершившим преступления с целью завладения алкогольными напитками, чем к прочим корыстным преступникам в целом, (соответственно 5,0 и 7,3 %). Это объясняется значительно большим удельным весом лиц, не имеющих постоянного места жительства и постоянного места работы, среди совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками по сравнению с корыстными преступниками в целом⁸. Таких людей, которые не работают, как известно, практически невозможно наказывать в дисциплинарном порядке. Как правило, в отношении таких лиц невозможно применять и средства материального воздействия (например, лишение премии и т.п.). В отношении их ограничены также возможности применения мер общественного воздействия. Если лицо, совершившее недостойный поступок, не имеет постоянного места работы и не учится, то решение применить в его отношении меры общественного воздействия принимается, как правило, товарищеским судом по месту жительства. Но если лицо не имеет постоянного места жительства, то и эту меру воздействия применить невозможно. Помимо того необходимо учесть, что в очень многих случаях в отношении таких лиц вообще нецелесообразно ограничиваться применением общественной меры воздействия, поскольку велика вероятность того, что такие меры не будут в состоянии оказать на них должного воспитательного влияния.

В итоге мы попытаемся обобщить некоторые заслуживающие внимания моменты.

Свыше 3/4 лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, находились во время совершения преступления в нетрезвом состоянии и почти 2/3 являлись хроническими алкоголиками. Среди них весьма большой процент составили лица, не имеющие постоянного места жительства и постоянной работы, а также лица, в отношении которых ранее применялись меры уголовного и административного воздействия. Как правило, личность этих преступников в значительной степени деградирована. Среди лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, сравнительно велик был удельный вес разведенных и проживающих отдельно от семьи. Как правило, лица, совершившие преступления с целью завладе-

---

⁸ О вопросах, связанных с местом жительства и работой, более подробно см. настоящую статью, с. 59-60 и 62-63.

ния алкогольными напитками, плохо справлялись со своими рабочими заданиями (если они вообще работали).

Степень общественно опасной направленности значительно выше у лиц, совершивших преступления с целью завладения алкогольными напитками, чем у корыстных преступников в целом, в силу чего наставление первых на путь истинный — дело значительно более сложное и длительное.

Лица, совершившие преступления с целью завладения алкогольными напитками, в среднем несколько старше корыстных преступников в целом. При этом удельный вес женщин, учащихся и служащих среди совершивших такие преступления во много раз меньше, чем среди корыстных преступников в целом.

Совершению преступлений с целью завладения алкогольными напитками значительно содействуют недостатки в работе по борьбе с пьянством и алкоголизмом, в том числе нарушения правил торговли алкогольными напитками и предписаний, запрещающих употребление алкогольных напитков в тех общественных местах, где это не дозволено.

Поскольку в генезисе преступлений, совершенных с целью завладения алкогольными напитками, решающую роль играет страсть к спиртному, тяга к алкогольным напиткам, основным направлением борьбы с подобными преступлениями является борьба со злоупотреблением алкоголем и способствующими этому условиями.

В связи с этим правомерно обратиться к Постановлению ЦК КПСС "Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями", в котором перед партийными, советскими, правоохранительными и другими государственными органами и общественными организациями поставлена следующая задача: "Последовательно и настойчиво вести борьбу против пьянства и алкоголизма. Проверить ход выполнения ранее принятых по этим вопросам решений и обсудить результаты в партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организациях. Осуществить более действенные меры по профилактике пьянства, усилению общественного и правового воздействия на пьяниц, строгому соблюдению установленных правил торговли спиртными напитками, расширению сети наркологических учреждений, в том числе на предприятиях. Активизировать антиалкогольную пропаганду, сделать ее более убедительной и дей-

ственной"⁹.

Поскольку сравнительно многие совершившие преступления с целью завладения алкогольными напитками лица не имели постоянного места жительства и определенной работы, то с точки зрения предупреждения этих преступлений особое значение имеет и борьба с паразитизмом и бродяжничеством, а также с несоблюдением трудовой дисциплины и паспортного режима.

При выборе средств воздействия на преступников-алкоголиков необходимо помнить, что их воспитание и перевоспитание - процесс длительный и сложный, что обуславливает выбор более строгих средств воздействия на них по сравнению с воздействием на прочих лиц, совершивших преступления такой же степени опасности.

---

⁹ В Центральном Комитете КПСС. Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями. - "Правда", № 254 (22319), II/IX 1979.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

(по материалам подвыборки сравнительного конкретно-криминологического исследования различных контингентов молодежи в Эстонской ССР)

И. К и н г с ,

ст. инженер проблемной лаборатории криминологии ТГУ

1. В настоящее время все большую актуальность приобретают проблемы правового воспитания как неотъемлемой части коммунистического воспитания членов нашего общества. Основной упор при этом делается на правовом воспитании подрастающего поколения, дифференцированному подходу к различным группам и категориям которого уделяется много внимания в специальной литературе последних лет. К. Маркс писал: "Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать"¹.

В 1974-1977 годы в проблемной лаборатории криминологии ТГУ проводилось конкретно-криминологическое сравнительное исследование криминологических аспектов средств и эффективности правового воспитания различных контингентов молодежи Эстонской ССР. Исследование проходило в 3 этапа: 1) пилотажный, 2) основной и 3) этап вторичной обработки информации на основе подвыборки численностью в 514 объектов (основная выборка - 2171 объект), созданной многофазовым методом поступенчатой выборки с использованием направленного и случайного принципов. На последнем этапе работа над материалом проходила параллельно на двух уровнях: с использованием ЭВМ и с помощью ИПС (информационно-поисковой системы), реализованной в виде картотеки на суперпозиционных носителях информации. Инфобанком настоящей статьи являются данные ИПС, с помощью которой был осуществлен двухуровневый анализ всей имеющейся информации: горизонтальный - сравнительный анализ различных контингентов несовершеннолетних правонарушителей и законопослушной молодежи и вертикальный - сравнительный анализ уже

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 195.

внутри указанных контингентов возрастных, поло-возрастных и прочих особенностей. В обоих случаях за направляющий был принят признак характеристики контингента в последовательности: молодые правонарушители, молодежь, состоящая на учете, и законопослушные. Был осуществлен многомерный анализ всей имеющейся информации, рассчитаны факторные веса всех индивидов на базе статистически значимых признаков, сделана попытка составления прогноза и т.д.²

2. Потребность в дифференцированном подходе к воспитанию молодежи обуславливает необходимость дифференцированного, личностного изучения объекта воспитания. "Личностный подход имеет первостепенное значение для разработки прогноза развития системы мер борьбы с преступностью и смежными с ней формами социально отклоняющегося поведения, для планирования и организации этой системы, для анализа ее эффективности и повышения последней"³. Более того, Г. М. Миньковский утверждает также, что всесторонний учет личности преступника есть

---

² Несколько слов о механизме ИПС на суперпозиционных носителях информации. Инфомассив разработанной автором системы составили данные о 514 субъектах подвыборки по всем параметрам анкеты. Информация фиксировалась на суперпозиционных (просветных, визуальных) картах инфоемкостью в 5699 единиц. Мы сочли оптимальным создание полумеханизированной системы дескрипторного типа с использованием естественного языка. В такой системе одна карта-матрица заводится на один параметр. Например, образование - 8 классов; возраст - 16 лет; знание правильного ответа на вопрос о высшей мере наказания за преступление несовершеннолетнего; положительное отношение к соблюдению общественного порядка и т.д. Информация, занесенная на одну карту-матрицу, может характеризовать любое число n -го множества лиц ($n = 514$). Подобная ИПС предполагает поиск инверсного типа и позволяет успешно осуществлять оперативный поиск информации по любому числу параметров.

На материале картотеки было создано более 100 таблиц двух- и многомерного анализа и графики и осуществлены все описываемые в настоящей статье анализы. Мы полагаем, что при работе на материале подобного типа картотеки, аналогичные созданной нами, полностью себя оправдывают. Побочные достоинства картотеки: портативность, гибкость ее структуры, дешевизна оборудования, простота обращения.

³ Миньковский Г. М. Личность преступника и методы ее изучения. - В сб.: Вопросы советской криминологии (Материалы научной конференции), ч. I. М., 1975, с. 42.

"элемент механизма обеспечения законности, создающей предпосылки не только для применения своевременных и достаточных мер профилактики и воздействия для их оптимальной регламентации, но и для формирования убежденности населения в справедливости уголовной политики социалистического государства"⁴. К. Е. Игошев отмечает, что знания, полученные о личности и ее окружении, позволяют впоследствии "избрать такие меры и средства контрольно-профилактического воздействия, которые наиболее адекватны ее социально-психологическим особенностям и тем условиям, которые способствовали переходу индивида на антиобщественные позиции"⁵.

2.1. Проблемы правового воспитания личности непосредственно связаны с проблемой ее правосознания. Изучение правосознания предполагает анализ его когнитивного (знание права) и эмоционального (отношение к праву) аспектов, реализующихся в процессе принятия решения на тот или иной вариант поведения в виде компонентов установки индивида, его общественно полезной либо общественно опасной направленности. Два первых аспекта являются составными элементами категории уважения к праву. "Уважение права в социалистическом обществе означает признание социальной ценности права, включающее достаточную информированность о требованиях правовых норм и солидарность с принципами права"⁶.

В настоящей статье мы не останавливаемся подробно на вопросах когнитивного и эмоционального уровней правосознания объектов исследования⁷, ограничиваясь анализом лишь нескольких его аспектов — престижа милиции, отношения молодежи к неотвратимости наказания за совершенное преступление, связи этих факторов с отношением молодежи к неприкосновенности правоохраняемых ценностей и других.

---

⁴ Миньковский Г. М. Личность преступника и методы ее изучения. — В сб.: Вопросы советской криминологии (Материалы научной конференции), ч. I. М., 1975, с. 42.

⁵ Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976, с. 78.

⁶ Казимирчук В. П., Боботов С. В. Формирование уважения к праву как социологическая проблема. — В сб.: Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М., 1979, с. 17.

⁷ См. Труды по криминологии УШ. Правовое воспитание молодежи (криминологические аспекты). Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 493. Тарту, 1979.

"Целью правового воспитания и социалистической правовой культуры является уважение личности к закону"⁸. Уважение личности к закону - важнейшая предпосылка социально-правовой активности личности. Оно должно стать "личным убеждением каждого человека"⁹. Неотъемлемой составной частью категории уважения к праву является убежденность в неотвратимости наказания за совершенное преступление. Последняя формируется общественной практикой, личным опытом и опытом друзей, знакомых и т.д. В нашем исследовании данный аспект измерялся при помощи ряда оценочных суждений, а также - и это главным образом - путем установления престижа милиции. Было выявлено, что 23,7 % молодых правонарушителей, 34,22 % состоящих на учете и 27,7 % законопослушных считают, что родители, занимающие высокое служебное положение, могут помочь избежать ответственности за совершенное преступление; 40,0 % правонарушителей, 50,5 % состоящих на учете и 32,5 % законопослушных утверждают, что влиятельные знакомства также способны помочь избежать ответственности. Все это свидетельствует о том, что угрожающе большой процент молодежи - представителей всех контингентов - фактически отрицает неотвратимость наказания.

Анализ выявил, что наилучшего мнения о работе милиции придерживаются молодые правонарушители (62,8 % сочли, что милиция выявляет все или почти все преступления против социалистического имущества, 56,6 % - против личного имущества граждан и 51,9 % - против общественного порядка), наихудшего - молодежь, состоящая на учете (53,2, 42,6 и 40,9 % соответственно). Законопослушные расположились между ними (57,7, 49,0 и 43,7 %). Данные эти настораживают. Если позиция молодежи, направленной в специальные воспитательные учреждения, психологически мотивируема ("попался я - попадаются и другие"), то скепсис состоящих на учете может объясняться

---

⁸ К а з и м и р ч у к В. П., Б о б о т о в С. В. Введение в кн. Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М., 1979, с. 7.

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 81.

их собственным опытом и опытом их ближайшего окружения, свидетельствующим о недостаточной еще бдительности соответствующих органов либо о неоправданной "гуманности" (а на деле халатности) последних¹⁰. И не менее, а даже больше настораживает скептическое отношение законопослушной молодежи. Не кроются ли здесь резервы для пополнения рядов двух первых контингентов?¹¹

Было обнаружено, что престиж милиции коррелирует с отношением к измерявшимся правоохраняемым ценностям: чем выше престиж милиции, тем положительнее отношение (см. табл. I).

Отношение к милиции измерялось и на основании роли, которая ей отводилась при решении казусов¹².

Анализ решения казусов выявил недостаточный авторитет милиции в глазах молодежи. Так, в казусе "Карманник" в соответствующей ситуации за помощью к милиции обратилось бы 3,65 % правонарушителей, 3,64 % состоящих на учете и 3,04 % законопослушных, в казусе "Убийца по неосторожности" - 8,9 % правонарушителей, 3,7 % состоящих на учете и 12,8 % законопослушных.

О преступлениях, совершенных родственником или близким человеком, умолчало бы 37,5 % правонарушителей, 52,3 % состоящих на учете и 29,2 % законопослушных.

Искренность правонарушителей вызывает сомнение. Возможно, ими руководило желание представить себя в более выгодном свете. Здесь - как и в ряде иных случаев - нам представляется

---

¹⁰ И. Е. Фарбер справедливо считал, что "равнодушие к правонарушениям есть своего рода социальная болезнь, питающая преступления". См. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963, с. 77.

¹¹ Здесь возможно возражение: мы оперируем достаточно большими процентами неблагополучной молодежи, в то время как преступления совершаются долей процента. Следует, однако, учесть, что человек может прожить жизнь, не совершив ни одного значительного противоправного действия, в то же время будучи внутренне готовым к его совершению при определенном стечении обстоятельств в экстремальной ситуации.

¹² Анкета исследования содержала 4 казуса, измерявших отношение к поведению а) расхитителя, б) хулигана, в) карманника и г) убийцы по неосторожности. В дальнейшем мы будем называть эти казусы условно следующим образом: а) "Расхититель", б) "Хулиган", в) "Карманник" и г) "Убийца по неосторожности".

Т а б л и ц а I

Связь отношения к правоохраняемым ценностям с престижем милиции в части посягательств на эти ценности /в процентах/

Отношение к правоохраняемым ценностям в разрезе контингентов	Престиж милиции			
	Милиция выявляет ...			
	все или почти все преступл.	более половины прес- туплений	половину или менее преступл.	
Правоохраняемая ценность - неприкосновенность государственного или общественного имущества				
положительное	правонарушители	70,9	16,5	12,7
	состоящие на учете	61,8	14,6	23,6
нейтральное	правонарушители	50,0	25,0	25,0
	состоящие на учете	54,6	11,4	34,1
отрицательное	правонарушители			100,0
	состоящие на учете		25,0	75,0
Правоохраняемая ценность - неприкосновенность личного имущества граждан				
положительное	правонарушители	60,8	23,0	16,2
	состоящие на учете	44,3	31,4	24,3
нейтральное	правонарушители	52,6	18,4	29,0
	состоящие на учете	34,6	19,2	46,2
отрицательное	правонарушители	25,0	25,0	50,0
	состоящие на учете	20,0	20,0	60,0
Правоохраняемая ценность - соблюдение общественного порядка				
положительное	правонарушители	70,6	23,5	5,9
	состоящие на учете	48,3	24,1	27,6
нейтральное	правонарушители	42,6	29,7	27,7
	состоящие на учете	44,9	16,3	38,8
отрицательное	правонарушители	30,4	17,4	52,2
	состоящие на учете	28,0	4,0	68,0

уместным ориентироваться на группу состоящих на учете¹³. Позицию представителей этой группы можно объяснить популярностью принципа "круговой поруки", бытующего в группах подростков негативной направленности, который исключает возможность обращения к милиции при обнаружении факта преступления среди "своих". К сожалению, мы не располагаем данными для обоснованного объяснения полученных результатов.

В общем можно отметить, что молодежь, в целом с достаточным уважением относясь к праву, с некоторым недоверием относится к осуществляющим его локальным институтам, в частности к милиции, к ее реальной практике. Разубедить в этом находящихся на пути своего становления молодых людей – дело всей правоохранительной практики и правовой пропаганды, правового воспитания. Это – необходимое условие результативности работы правоохранительных органов. Авторитет милиции определяется качеством ее функционирования: процентом раскрытых преступлений и правонарушений. "Строгое соблюдение законов, оперативное и квалифицированное реагирование на правонарушение, деловое и культурное разбирательство дела, смелость и находчивость при задержании опасного преступника – вот что в первую очередь обеспечивает уважение сотрудников правоохранительных органов в глазах населения",¹⁴ – отмечают О. Мураметс и Т. Шамба. И справедливо добавляют: "Повышение авторитета этих органов предполагает и специальную деятельность, направленную на воспитание у граждан высокосоциального, уважительного отношения к людям, стоящим на страже законов Советского государства"¹⁵.

---

¹³ На возможность использования промежуточных контрольных групп указывает и Г. М. Миньковский: "... перспективным представляется использование промежуточных контрольных групп." Он указывает, что поскольку полученные в ретроспективе данные не могут быть экстраполированы на момент совершения преступления, "наряду с контрольной группой лиц с положительным поведением надо выделить также группу лиц, состоящих на профилактическом учете". См. М и н ь к о в с к и й Г. М. О некоторых исходных положениях методик социально-психологического изучения личности несовершеннолетних правонарушителей. – В сб.: Социально-психологическое изучение личности несовершеннолетних, совершивших преступления. М., 1977, с. 12.

¹⁴ Мураметс О. Ф., Шамба Т. М. Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М., 1979, с. 139.

¹⁵ Там же.

2.2. Правовое воспитание – сложный и многоплановый процесс, включающий в себя различные цели и задачи. В свое время А. С. Макаренко писал: "Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что се-ли и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания"¹⁶.

"Косвенным продуктом правосознания" называет представляемую субъектом модель поведения В. Н. Кудрявцев. "Эта модель, – пишет он, – создана не одной лишь нормой и не правоотношением, в котором этот субъект участвует, а взаимодействием четырех составляющих: нормы, правоотношения, правовых знаний и ценностных представлений субъекта"¹⁷. Правовое поведение носит тем более устойчиво положительный характер, чем более положительным отношением к праву оно подкрепляется; в свою очередь, отношение к праву тем позитивнее, чем больший багаж знаний стоит за ним, ибо правовые чувства "существуют на базе понятий, идей и представлений о праве и без них они не существуют"¹⁸.

На материале подвыборки мы попытались выявить факторы, детерминировавшие социальное поведение респондентов. Отправным моментом в деле измерения поведенческого уровня являлся факт совершения (несовершения) правонарушения любой степени порочности (т.е. в состав выборки вошли как собственно правонарушители, так и лица, состоящие на профилактическом учете). При этом мы исходили из того, что в большей части факт совершения правонарушения свидетельствует о социально нежелательном направлении развития личности, о наличии в ее анамнезе элементов асоциального воздействия, взаимосочетание которых привело респондента к принятию решения совершить правонарушение. Исключение могут составлять ситуационные преступники, однако это уже предмет специального исследования.

---

¹⁶ Макаренко А. С. Соч., т. I. М., 1958, с. 445.

¹⁷ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978, с. 69.

¹⁸ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963, с. 72.

Помимо самого факта совершения правонарушения о поведенческом потенциале лица мы судили также и на основании решения казусов (оценка поведения субъектов казусов и вариант поведения при идентификации респондента и субъекта казуса).

На материале банка данных ИПС был проведен многомерный анализ, преследовавший цель выявления факторов влияния на решение казусов и оценку действия их субъектов. При этом использовались следующие факторы: варианты решения казусов (либо оценок поведения их субъектов), характеристика контингента, отношение к соответствующей содержанию казуса правоохраняемой ценности (ценность как объект казуса), уровень уголовноправовых знаний, престиж милиции, убежденность в неотвратимости наказания за совершенное преступление и мотивы поведения молодежи (согласие-несогласие с тем или иным мотивом).

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы.

1) Наиболее непримиримую позицию к субъектам казусов, совершающим разного рода правонарушения, занимают сами правонарушители (при решении двух казусов) и законопослушные (при решении двух других). Таким образом, то ли в силу собственного опыта - неоправданно снисходительного отношения к ним со стороны правоохранительных органов, друзей, общественности и т.д., то ли благодаря низкому уровню интернализации принятых обществом критериев оценки своих действий и действий других (мы на располагаем данными для объективной интерпретации этого явления) наиболее "либеральным" контингентом оказались лица, состоящие на учете. Так, поведение расхитителя оправдывает 25,2 % состоящих на учете (15,4 % правонарушителей и 16,4 % законопослушных); поведение хулигана оправдывает 9,8 % состоящих на учете (9,4 % правонарушителей и 3,2 % законопослушных), предпочитает игнорировать наблюдаемый факт кражи кошелька 9,1 % состоящих на учете (2,9 и 1,5 % в прочих контингентах) и, наконец, этот же контингент оказывается наиболее агрессивным при идентификации себя с "убийцей по неосторожности": в "кулачный бой" здесь порываются вступить 50,0 % состоящих на учете, 28,9 % правонарушителей и 32,7 % законопослушных. Правда, здесь необходима оговорка: 15,7 % состоящих на учете, 15,0 % законопослушных и 3,7 % правонарушителей предварительно высказывают желание уладить дело на словах и лишь затем, если слова не возымеют действия, приступить к активному вмешательству.

2) В решении всех без исключения казусов сказывается влияние характера отношения к правоохраняемой ценности, выступающей объектом казуса. Это иллюстрируют таблицы распределения оценок поведения расхитителя (табл. 2) и хулигана (табл. 3). Столь отчетливо прослеживаемая связь вновь свидетельствует о необходимости способствовать формированию у молодежи положительного отношения ко всем правоохраняемым ценностям.

Т а б л и ц а 2

Связь характера отношения к неприкосновенности социалистического имущества и оценок поведения расхитителя /в процентах/ ¹⁹

Характер отношения к неприкосновенности социалистического имущества в разрезе контингентов		Оценка поведения расхитителя		
		оправданно	постыдно	преступно
Положительное	правонарушители	10,5	33,7	55,8
	состоящие на учете	17,9	33,9	48,2
	законопослушные	11,7	44,1	44,1
Отсутствие сформировавшегося полож. отношения	правонарушители	21,9	46,3	31,8
	состоящие на учете	33,3	46,3	20,4
	законопослушные	25,4	41,8	32,8

Т а б л и ц а 3

Связь характера отношения к соблюдению общественного порядка и оценок поведения хулигана /в процентах/ ¹⁹

Характер отношения к соблюдению общественного порядка		Оценка поведения хулигана		
		оправданно	постыдно	преступно
Положительное	правонарушители	9,4	62,3	28,3
	состоящие на учете	-	66,7	33,3
	законопослушные	3,0	63,4	33,6
Отсутствие сформировавшегося полож. отношения	правонарушители	9,6	74,0	16,4
	состоящие на учете	14,3	63,6	22,1
	законопослушные	5,4	67,6	27,0

¹⁹ При этом следует отметить, что за 100 % были приняты представители конкретного контингента, характеризующиеся определенным отношением к правоохраняемой ценности.

Связь характера отношения к правохраняемым ценностям

и убежденностью в неотвратимости наказания за совершенное преступление

/в процентах/20

Характер отношения к правохраняемым социальным ценностям в разрезе контингентов	Убежденность в возможности избежать наказания				Убежденность в неотвратимости наказания			
	Социально-правовые ценности - объекты посягательства							
	непри- косн. соц. имущ.	непри- косн. личн. имущ.	соблю- дение общ. поряд- ка	непри- косн. соц. имущ.	непри- косн. личн. имущ.	соблю- дение общ. поряд- ка	непри- косн. личн. имущ.	соблю- дение общ. поряд- ка
Положительное	правонарушители	64,0	52,0	36,0	69,4	71,3	45,0	
	состоящие на учете	38,5	64,0	15,4	59,4	75,4	36,4	
	законопослушные	66,7	69,7	37,1	75,3	82,5	60,0	
Отсутствие сформиров. полож. отношения	правонарушители	36,0	48,0	64,0	30,6	28,8	55,0	
	состоящие на учете	61,6	36,0	84,6	40,6	24,6	63,6	
	законопослушные	33,3	30,3	62,9	24,7	17,5	40,0	

20 100 % - это представители конкретного контингента, убежденные (не убежденные) в неотвратимости наказания за совершенное преступление применительно к конкретной правохраняемой ценности.

3) В значительной мере решение казусов и оценка поведения их субъектов зависит от убежденности в неотвратимости наказания за совершенное преступление. Была обнаружена прямая связь между отношением к правоохраняемым ценностям — объектам казусов — и убежденностью в неотвратимости наказания.

Отсюда логично было предположить, что положительное отношение к являющейся объектом казуса правоохраняемой ценности, подкрепленное убежденностью в неотвратимости наказания, содействует формированию позиции непримиримости в отношении покушающихся на эти ценности субъектов, и наоборот: отсутствие сформировавшегося положительного отношения к правоохраняемой ценности при убежденности в возможности избежать наказания приводит к оправдыванию преступников в глазах оценивающих их поведение лиц. Это было подтверждено и данными анализа распределения оценок поведения субъектов казусов — расхитителя и хулигана — в зависимости от отношения респондентов к объекту казуса, подкрепленного (не подкрепленного) убежденностью в неотвратимости наказания. Так, при положительном отношении к неприкосновенности социалистического имущества, подкрепленном убежденностью в неотвратимости наказания, поведение расхитителя оправдывает 6,8 % правонарушителей, 15,0 % состоящих на учете и 8,7 % законопослушных, при отсутствии как сформировавшегося положительного отношения к указанной ценности, так и убежденности в неотвратимости наказания, — 14,3, 40,0 и 16,7 % в той же последовательности контингентов. Аналогичная тенденция наблюдается и в оценках поведения хулигана.

Поскольку остальные параметры отчетливых связей с измеряемым казусами поведенческим потенциалом представителей различных контингентов не выявили, можно предположить, что основная масса правонарушений молодежи вызвана не столько ее правовой неосведомленностью, сколько иными причинами социального и индивидуально-психологического порядка, в частности, ее отношением к правоохраняемым ценностям, к механизму действия права.

Убежденность в неотвратимости наказания формируется всем социальным опытом человека, его жизненной практикой и, как мы видим, играет далеко не последнюю роль в формировании модели возможного поведения молодого человека. В. И. Ленин пи-

сал: "Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым"²¹. Можно предположить, что привлечение к ответственности всех виновных в значительной мере способствовало бы снижению преступности, в особенности же преступности молодежи.

3. Изучение объективных и субъективных обстоятельств, обуславливающих совершение правонарушения, носит зачастую статистический характер. Необходимо же изучать динамику формирования личности правонарушителя, путь его социальной деформации, возрастные вехи его становления как асоциального элемента. С этой целью на массиве данных суперпозиционной картотеки был сделан анализ всех параметров исследования с учетом поло-возрастной структуры контингентов. Во главу угла этого этапа исследования был помещен возрастной принцип. Возраст характеризует не только психофизическую конституцию человека, но и его место в обществе и в быту. Это - "признак - мера для оценки накопленных во времени общественно значимых свойств"²².

На необходимость серьезного изучения возрастных особенностей несовершеннолетних и учета их родителями, воспитателями и пр. указывали многие ученые. В частности, Г. М. Миньковский пишет: "Возрастные особенности присущи всем лицам соответствующего контингента, преступления же совершают доли процента. Поэтому нельзя, сталкиваясь с возрастной "окраской" общественно опасных действий, напрямую связывать некоторые общевозрастные особенности с преступлениями. Конечно, возрастные особенности, например, подростков, обуславливающие относительно меньшую устойчивость их личности, могут способствовать неадекватным следствиям, меньшей степени избирательности поведения. Но вместе с тем все эти моменты не создают фатальной неизбежности конфликтных ситуаций. Последние возникают в результате игнорирования

---

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 412.

²² Игнатов К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 32.

(воспитателем, микросредой) возрастной специфики, а не в результате самой этой специфики. Как правило, в случаях совершения преступлений "работают" не просто возрастные особенности, а их сдвиги, гипертрофия"²³.

В литературе принято изучать и сравнивать между собой различные возрастные группы (несовершеннолетние, молодежь от 18 до 25 лет, от 25 до 30 лет и т.д.). Поскольку наш контингент состоял из юношей и девушек 14-18 лет (возраст интенсивной социализации личности, когда каждый прожитый год может внести весьма существенные коррективы в формирование подростка в силу шаткости его жизненной позиции, также обусловленной возрастом, и им же обусловленной восприимчивости ко всякого рода внешним воздействиям), мы задались целью проследить кривые направленности их оценок и отношений, установить возрастные вехи пиков их согласия-несогласия с предлагаемыми вариантами ответов и т.д.

Рассмотренный контингент отличает незаконченность процесса социальной адаптации, формирования системы ценностных ориентаций, выбора социальных ролей, неустойчивость нравственных и правовых устоев, расплывчатость характера, несформированность интересов, переход от формальных, поверхностных, внешних попыток утвердить себя, самоактуализироваться к внутренним (доказать не только другим, но главным образом себе, кто есть "я", найти свой собственный стиль и образ жизни, место в ней).

На материале ИПС нами с учетом поло-возрастной структуры контингентов прослеживалось максимальное-минимальное скопление ответов, выражающих согласие-несогласие с тем или иным суждением, оценкой и т.д., приходившееся на юношей (девушек) определенного возраста конкретного контингента. Например, мотив поведения молодежи - стремление принести пользу окружающим. Процентное распределение варианта ответа, выражающего согласие с этим мотивом, по возрастным группам внутри контингентов выглядит следующим образом: юноши-правонарушители 14 лет - 60,0 %, 15 лет - 47,4 %, 16 - 70,0, 17 - 71,4 (!) и 18 лет - 50,0 %; состоящие на учете юноши - 62,5, 77,8 (!), 66,7, 65,0 и 67,9 % и наконец, законопослушные юноши - 76,9, 87,1 (!), 79,0, 79,6 и 66,7 % соответственно. Следовательно, пик согласия с тем, что данный мотив

²³ М и н ъ к о в с к и й Г. М. Личность преступника и методы ее изучения. - В сб.: Вопросы советской криминологии (Материалы научной конференции). ч. I. М., 1975, с.53-54.

действительно движет поведением молодежи в контингенте правонарушителей, падает на 17-летних, среди состоящих на учете и в контингенте законопослушных - на 15-летних. Еще один пример: средние оценки суждения "Истинное удовлетворение человек может испытывать лишь от благ, заработанных собственным трудом" (варианты оценок - "полностью согласен", "скорее согласен, чем нет", "не знаю", "скорее не согласен, чем согласен", "совершенно не согласен") при той же последовательности контингентов, причем чем меньше среднее, тем отчетливее выражено согласие с указанным утверждением. Приведем средние ответы: 1,40 (!), 1,88, 1,69, 1,71 и 3,0; 1,75, 2,38, 1,38 (!), 1,89 и 1,68 и 1,25 (!), 1,53, 1,68, 1,44 и 1,61. Таким образом, пик согласия в контингенте правонарушителей падает на 14-летних, среди состоящих на учете - на 16-летних и в контингенте законопослушных - на 14-летних. Пик несогласия падает соответственно на 18-, 15- и 16-летних.

Приведем таблицу количества пиков согласия-несогласия, при этом следует отметить, что в блок согласия были включены пики согласия с социально позитивными суждениями, оценками и пр. и пики несогласия с негативными, в блок несогласия - наоборот.

Т а б л и ц а 5
Количество пиков согласия-несогласия с учетом
поло-возрастной структуры контингентов
/в абс. числах/

Возраст, годы	Пики согласия			Пики несогласия		
	К о н т и н г е н т					
	Право- нару- шители	Состо- ящ. на учете	Законо- послуш- ные	Право- нару- шители	Состо- ящ. на учете	Законо- послуш- ные
Д е в у ш к и						
14	55	80 !	47	95 !	48	86 !
15	28	65	34	44	54	39
16	33	47	38	38	63	40
17	43	68	33	25	69	34
18	67 !	49	76 !	38	96 !	37
Ю н о ш и						
14	92 !	65 !	85 !	27	64 !	56 !
15	29	55	36	42	44	39
16	25	57	35	21	50	30
17	32	20	34	52	45	46
18	58	27	35	110 !	44	47

Анализ продемонстрировал особую чувствительность мировосприятия девушек и юношей в возрасте 14 лет. Этот возраст вообще характеризуется высокой внушаемостью, непосредственностью восприятий, высокой подверженностью влияниям конкретной среды. Позже острота реакции на все окружающее спадает, новый взлет наблюдается уже к 18 годам, но, как оказалось, это взлет с противоположным качественным знаком. Так, наибольшее количество пиков согласия дают девушки-правонарушительницы в 18 лет, в то время как в 14 лет у них наблюдалось явное преобладание пиков несогласия. Для девушек, состоящих на учете, характерна противоположная тенденция. Что послужило причиной переоценки ценностей, — неизвестно. Данные исследования не дают материала к каким-либо значимым обобщениям. Указанные закономерности прослеживаются столь явно, что их нельзя не учитывать при выборе методов и средств нравственного и правового воспитания. Одновременно следует подчеркнуть необходимость крайне тщательного подхода к изучению молодежи в возрасте 14–18 лет и в более юный период. Внимательного изучения их жизненного пути в этот период, особенности микросреды, объективные обстоятельства их жизни, без чего невозможно выявить столь необходимые факторы детерминации переоценки имевшихся в детском возрасте (к 14 годам) ценностей (положительных либо отрицательных).

Поскольку развитие девушек подросткового возраста несколько опережает развитие юношей, к 14 годам у большинства из них можно отметить наличие своей точки зрения на различные явления жизни, свою жизненную позицию. Возрастные особенности диктуют вполне обычный в этот период жизни негативизм. Негативизм как типичную черту психологии правосознания правонарушителей, в особенности же негативное отношение к общественным (коллективным) правовым суждениям и оценкам, т.е. к "правовым элементам общественного мнения"²⁴, отмечает и К. Е. Игошев, однако он не распространяет эффект негативизма на законопослушную молодежь, что представляется неверным.

---

²⁴ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 37.

Негативизм можно рассматривать как один из способов самоутверждения личности на раннем этапе ее социализации. Ощущение себя взрослым наступает достаточно рано (видимо, где-то в пубертативный период). Оно вызывает у подростков острую потребность в самоутверждении в коллективе сверстников, которое зачастую осуществляется самым неожиданным путем, в том числе и через отрицание общепринятых ценностей как на словах, так и на деле. При этом "своя", сугубо индивидуальная и оригинальная позиция, свидетельствующая об экстраординарности личности, как правило, подменяется отрицанием общепринятого без выдвижения какой-либо своей жизненной концепции. Поэтому возможно, что положительное влияние семьи, школы, массовых организаций, идеи, которые несут средства массовой коммуникации, художественная литература, театр, — все это в силу возрастных особенностей воспринимается сквозь призму негативизма — подвергается сомнению либо отрицанию. Самоактуализация личности часто проходит стадию негативизма разной степени интенсивности и масштабов. Умеренный негативизм, не распространяющийся на основные ценности и идеалы нашего общества, еще не свидетельствует о деформации социальной позиции личности. Однако тотальное отрицание социальных ценностей и идеалов общества, стремление всеми силами продемонстрировать свое враждебное к ним отношение, свою независимость от них в суждениях и на деле нередко объясняется тем, что за этой позицией стоит какая-то группа, являющаяся для индивида референтной, что в этой группе приняты иные нормы и ценности, не уважаемые, а порицаемые обществом как вредные либо общественно опасные.

Негативизм и конформизм — явления не взаимоисключающего порядка. Негативизм в отношении одной группы, ее членов, принятых в ней норм и ценностей, может успешно сочетаться с явным конформизмом в другой. Конформность может иметь разную степень интенсивности, быть внешней или внутренней и т.д. Все зависит от системы контроля в группе, от степени ее референтности для индивида, от его личностно-психологических характеристик и т.д.

В отличие от девушек юноши подросткового возраста более конформны и больше подвержены посторонним, в том числе

и отрицательным влияниям. Они чаще приобщаются к уличным компаниям, их разногласия с родителями, учителями, товарищами по школе носят более конфликтный характер. Тот факт, что в 14-летнем возрасте у опрошенных мальчиков двух рассмотренных контингентов сосуществовал максимум как пиков согласия, так и пиков несогласия, указывает на их особую восприимчивость ко всякого рода воздействиям, на стремление к самоутверждению и на противоречивость результатов этого стремления. Все это необходимо учитывать и родителям, и школьным коллективам, и соответствующим органам, занимающимся воспитанием и перевоспитанием подростков.

Относительно большая ригидность юношей также должна быть учтена в плане более длительного, разнообразного и глубокого воздействия на них в желаемом направлении.

Анализ данных свидетельствует о том, что социализация юношей в рассматриваемый период шла по нисходящей. Как отмечалось выше, к сожалению, данные нашего анализа не позволяют проследить кривые индивидуальной социализации, ибо мы располагаем лишь данными о контингентах в целом, не будучи в состоянии наблюдать за их членами на протяжении ряда лет.

На основании анализа распределения пиков согласия-несогласия можно сделать два основных вывода практического характера.

1) Практика индивидуальной профилактики правонарушений обязана считаться с возрастными особенностями объектов воспитания: с крайней восприимчивостью и впечатлительностью 14-летних (и тем более 12- и 13-летних, ибо процесс интенсивной социализации личности уже в силу акселерации начинается, по-видимому, еще раньше), с характером и направленностью их мировосприятия и т.д.

Анализ выявил наиболее интенсивный период социализации, однако привлекает к себе внимание тот факт, что к 14 годам молодежь выступает уже с определенной жизненной позицией. Подросткам чужды колебания, характерно, что они редко предпочитают конкретному варианту ответа нейтральный "не знаю". Это свидетельствует о том, что изучение подростков с 14 лет хотя и важно, однако, касается далеко не первого этапа их формирования как социальной личности. Таким образом, вне поля зрения остается процесс формирования личности, созревания ее готовности к определенной форме реагирования на окружа-

ющее, к принятию определенного решения на тот или иной (правомерный либо противоправный) вариант поведения. Без серьезного изучения социализации индивида на более ранней стадии его развития, в детский период, невозможно внести сколько-либо значительный вклад в изучение генезиса противоправного поведения, невозможно определить оптимальный возраст для воздействия по предупреждению преступности вообще, невозможно устранить или по крайней мере нейтрализовать действие факторов криминогенной насыщенности в ранний период социализации индивида, когда профилактические меры, по всей вероятности, нашли бы наиболее благоприятную почву и дали бы желаемые результаты.

2) Выше отмечалось, что от 14 к 18 годам наблюдается перемещение максимумов пиков согласия-несогласия с социально позитивными (негативными) суждениями и оценками. Если можно говорить о необоснованности, легковесности позиции 14-летних, то в отношении 18-летних этого уже сказать нельзя. Конечно, социализация личности не завершается в 18 лет, однако, интенсивный ее процесс к этому времени, по-видимому, уже позади. На период от 14 до 18 лет приходится процесс переоценки ценностей. Что происходит с подростками в этот период, под влиянием каких именно факторов происходит эта переоценка и в каком направлении, — все это нуждается в тщательном изучении и использовании результатов конкретных исследований в практике воспитания и перевоспитания подростков семьей, педагогами, работниками правоохранительных органов и т.д.

4. Исходя из положения, согласно которому "выбор варианта поведения ... есть результат взаимодействия внешней ситуации с особенностями личности субъекта"²⁵, а также придерживаясь гипотезы наличия в личностных характеристиках правонарушителей отклонений от свойств, типичных для законопослушной личности, а в их анамнезе — обстоятельств и факторов, характеризующих главным образом именно этот контингент, мы сочли целесообразным обратиться к методу аналогии. Метод аналогии предполагает сравнение типичного пути к правонарушениям, уже пройденного правонарушителем, в совокупности с особенностями его личности, с его системой ценностных ориен-

---

²⁵ К у д р я в ц е в В. Н. Право и поведение. М., 1978, с. 23.

таций, и поведения, жизненного пути и личностных характеристик законопослушных. Наличие совокупности факторов криминогенного характера свидетельствует о том, что лицо является потенциальным правонарушителем (либо совершило нераскрытое правонарушение и тем самым неблагоприятно вдвойне), что существует вероятность избрания им противоправного пути в жизни.

Чтобы сделать подобный вывод относительно конкретного лица, необходимо знать факторы, коррелирующие с отклоняющимся поведением. "Оценить степень вероятности совершения лицом определенного действия - такова цель исследования поведения"²⁶.

В детерминации преступного поведения участвует большое количество факторов социального и индивидуально-психологического порядка, однако все они имеют разный уровень значимости для предсказания направления поведения индивида в будущем. Нами была сделана попытка выделить из множества факторов те, которые существенны для прогноза (т.е. выявляют наибольшее статистическое расхождение между контингентами). Расхождение в 5 % приравнялось к одному баллу, в 10 % - к двум и т.д.²⁷ Затем для каждого индивида рассчитывалась сумма баллов, характеризующая уровень его криминогенной зараженности. Средняя сумма баллов равнялась для правонарушителя 75, для состоящего на учете 54 и законопослушного 32.

На этом основании мы условно подразделили всех респондентов на четыре категории, приняв за основу уровень их криминогенной зараженности:

1) до 44 баллов включительно - криминогенная зараженность минимальна и свидетельствует о наличии подросткового негативизма неяркой выраженности, характеризующегося нейтральной направленностью, в совокупности (или без оной) с не-

---

²⁶ Яковлев А. М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. /Социально-психологический аспект/. Горький, 1977, с. 37.

²⁷ Приведем несколько примеров: 1) до 14 лет с матерью и отцом росли 82,5 % законопослушных и 51,5 % правонарушителей. Разница составляет 31,0 %, или округленно 6 баллов; 2) несогласие с суждением "Наказания за совершенное преступление можно избежать, если имеются влиятельные знакомства", высказало 37,8 % правонарушителей и 51,2 % законопослушных. Разница - 13,4 %, или 3 балла; 3) желание в будущем сменить своих друзей высказало 30,7 % правонарушителей и 7,6 % законопослушных. Разница - 23,1 %, или 5 баллов.

которыми незначительными дефектами социального порядка в анамнезе;

2) 45-64 балла включительно - криминогенная зараженность существует и в условиях способствующей совершению правонарушения ситуации индивид может принять решение совершить противоправное действие; в условиях нейтральной ситуации (и тем более в ситуации, препятствующей совершению правонарушения), вряд ли;

3) 65-84 балла включительно - криминогенная зараженность достаточно интенсивна: существует определенная деформация социального порядка в анамнезе, искажена система ценностей, может совершить противоправное действие и в ситуации, не содержащей провоцирующих и способствующих совершению правонарушения моментов;

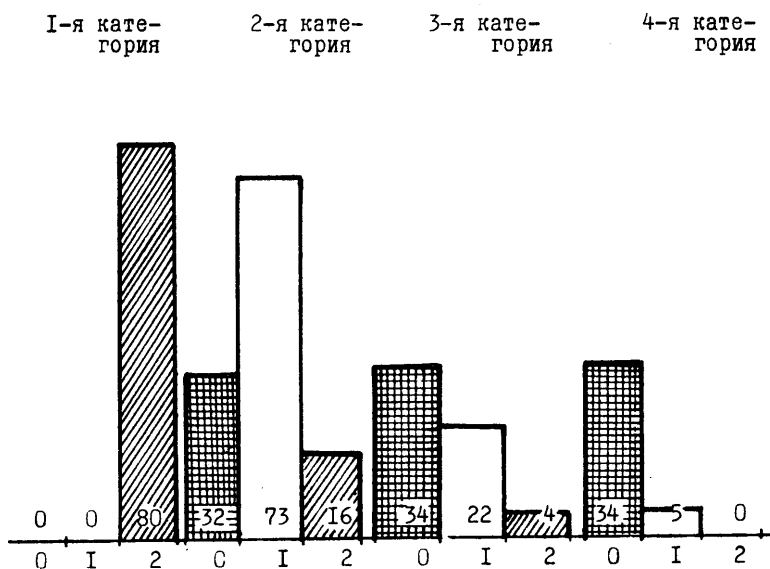
4) 85 и более баллов - в нашем контингенте это наивысшая степень криминогенной зараженности: значительная деформация социального порядка при серьезном искажении ценностных представлений. Вероятно, здесь можно говорить о наличии задатков формирования общественно опасной направленности личности.

Внутри описанных категорий представители различных контингентов распределялись следующим образом (см. схему): 1-я категория - 80 % законопослушных и ни одного состоящего на учете либо правонарушителя; 2-я категория - 32 % правонарушителей, 73 % состоящих на учете и 16 % законопослушных; 3-я категория - 34 % правонарушителей, 22 % состоящих на учете и 4 % законопослушных и 4-я категория - 54 % правонарушителей, 5 % состоящих на учете и ни одного представителя контингента законопослушных.

В том, как представители различных контингентов распределены по категориям, отражающим уровень криминогенной зараженности, нельзя не отметить наличия внутренней логики. Интерпретация схемы предельно проста. Можно предположить следующее: а) 34 % правонарушителей (4-я категория) представляют собой наиболее опасный контингент, их можно назвать потенциальными рецидивистами; б) 32 % правонарушителей (2-я категория), по всей вероятности, состоят из случайных, ситуационных правонарушителей; в) 5 % состоящих на учете (4-я категория) могут иметь нераскрытые правонарушения в прошлом либо они характеризуются предельной готовностью к совершению противоправного действия; г) 4 % законопослушных (3-я кате-

Схема распределения представителей различных контингентов на основании уровня их криминогенной зараженности

/в процентах/

Обозначение контингентов:

- 0 - правонарушители
- I - состоящие на учете
- 2 - законопослушные

гория) могут иметь в анамнезе какое-либо противоправное действие, не раскрытое либо вызвавшее снисходительную реакцию как формальных органов, так и ближайшего окружения, в обоих случаях можно предвидеть возможную дальнейшую социальную деформацию; д) особое внимание следует уделить вошедшим во 2-ю категорию 16 % законопослушных и вошедшим в 3-ю категорию 22 % состоящих на учете; представляется, что усилия в направлении предотвращения их дальнейшей социальной деформации могут встретить здесь благоприятную почву.

Выявление лиц, характеризующихся соответствующим уровнем криминогенной зараженности, - важнейшее условие успешного осуществления ранней профилактики преступности несовер-

шеннолетних, поскольку индивидуальная профилактика, построенная на основе некоего усредненного представления о несовершеннолетнем правонарушителе не приведет к желаемым результатам.

ПОНЯТИЕ, ЭЛЕМЕНТЫ И ВИДЫ СИТУАЦИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Я. Г и н т е р ,
мл. научн. сотрудник проблемной лаборатории
криминологии ТГУ

I. Понятие ситуации совершения преступления

Ситуация, предшествующая и сопутствующая совершению преступления, может быть рассмотрена в трех различных масштабах. Наименьшее распространение получил подход к ситуации как к целостной системе, охватывающей как материальные условия совершения преступления, взаимоотношения преступника с иными лицами и состояние социального контроля, так и потерпевшего и преступника. Возможность такого подхода показана Ю. М. Антоняном¹, и в известной мере он реализован Д. А. Шестаковым².

В большей мере ситуация совершения преступления рассматривалась с позиций потерпевшего. Этот аспект является объектом изучения виктимологов³.

Ситуация может, наконец, рассматриваться и с точки зрения преступника, с позиций того, что и каким образом в этой ситуации влияет на поведение преступника. Наиболее часто ситуация рассматривалась именно с этого аспекта. Однако несмотря на это (а возможно, в какой-то мере благодаря этому) концепции авторов, анализирующих именно данный аспект, наиболее значительно отличаются друг от друга. Неясность усугубляется здесь еще и тем, что одни и те же термины используются разными авторами в различных значениях. Так, термин

---

¹ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений. М.: 1973, с. 27.

² См. Шестаков Д. А. Выбор варианта поведения членами семьи в криминогенной ситуации. - "Правоведение", 1978, № 1, с. 115-118.

³ См., например, Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975.

"конкретная жизненная ситуация" используется В. Н. Кудрявцевым, К. Н. Флорей и Ю. М. Антоняном, однако все они вкладывают в него различный смысл. К. Н. Флоря рассматривает конкретную жизненную ситуацию предельно узко, отождествляя ее с понятием "повод".⁴ Рассматривая это понятие шире, В. Н. Кудрявцев включает в него события и состояния, вызывающие решение совершить общественно опасное деяние.⁵ Ю. М. Антонян употребляет этот термин в еще более широком смысле, включая сюда не только явления, способствующие совершению преступления, но и препятствующие ему.⁶ Указанные авторы расходятся и во взглядах на соотношение понятия конкретная жизненная ситуация с другими криминологическими понятиями. К. Н. Флоря и В. Н. Кудрявцев, например, полагают, что конкретная жизненная ситуация и обстоятельства, способствующие совершению преступления, — разные явления.⁷ Ю. М. Антонян же утверждает, что конкретная жизненная ситуация может оказаться обстоятельством, способствующим совершению преступления.⁸

Как отнестись к столь различным точкам зрения? В этих вопросах мы придерживаемся позиции Ю. М. Антоняна, поскольку введение нового термина, не имеющего нового содержания, бессмысленно. К тому же нам представляется, что объективная оценка роли ситуации в совершении преступления оказалась бы невозможной при сведении понятия ситуации лишь к тем ее эле-

---

⁴ См. Флоря К. Н. Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления. Автореф. канд. дисс. М., 1970, с. 5.

⁵ См. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968, с. 38.

⁶ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений. М., 1973, с. 21.

⁷ См. Флоря К. Н. То же; Кудрявцев В. Н. К вопросу об изучении причин преступности. — "Советское государство и право", 1964, № 5, с. 11-20.

⁸ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении неосторожных преступлений. — "Советская юстиция", 1974, № 10, с. 15.

ментам, которые способствуют совершению преступления, игнорируя при этом элементы, затрудняющие и препятствующие его совершению.

Вряд ли обосновано также раздельное рассмотрение конкретной жизненной ситуации и обстоятельств, способствующих совершению преступления. Ведь эти обстоятельства обладают значением лишь в той мере, в какой они влияют на совершение преступления. И если эти обстоятельства являются объективными факторами, влияющими на совершение преступления, то, на наш взгляд, нет оснований рассматривать их вне ситуации совершения преступления.

Таким образом, мы видели, что термин "конкретная жизненная ситуация" используется учеными в разных значениях. А. Р. Ратинов и Д. В. Ривман употребляют термин "криминальная ситуация", причем Д. В. Ривман далее еще различает понятия криминальная и криминологическая ситуации.⁹ Согласно его точке зрения содержанием криминальной ситуации является само преступление, а содержанием криминологической ситуации — вся совокупность условий, которые привели к совершению преступления, включая самые отдаленные этапы формирования личности преступника, рассмотренные как единый процесс. В качестве этапов криминологической ситуации Д. В. Ривман рассматривает, во-первых, формирование личности преступника, во-вторых, жизненную ситуацию, в которой формируется конкретное намерение совершить преступление и создается реальная обстановка, способствующая его совершению, и в-третьих, криминальную ситуацию¹⁰.

А. Р. Ратинов полагает, что криминальная ситуация — это сформировавшаяся к моменту зарождения преступления совокупность элементов объективной обстановки совершения преступления.¹¹ Таким образом, и термин "криминальная ситуация" также употребляется в различных значениях.

---

⁹ См. Р а т и н о в А. Р. Методологические вопросы изучения личности преступника. — Психологическое изучение личности преступника. М., 1976, с. 6; Р и в м а н Д. В. Витимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975, с. 20.

¹⁰ См. Р и в м а н Д. В. Указ. соч., с. 21.

¹¹ См. Р а т и н о в А. Р. Указ. соч., с. 6.

Недостатком определения А. Р. Ратинова является отсутствие в нем момента, фиксирующего влияние ситуации на субъект. Неясно также, какой момент принимается за начало ситуации (т.е., что является моментом зарождения преступления).

Определенные возражения вызывает и позиция Д. В. Ривмана. Дело в том, что ситуация на момент совершения преступления сама по себе не имеет столь большого криминологического значения, которое оправдывало бы ее рассмотрение в отрыве от ситуации периода, предшествовавшего преступлению и оказавшего влияние на выбор субъектом варианта поведения. Криминологическая ситуация в интерпретации Д. В. Ривмана по существу вообще не является ситуацией, а представляет собой совокупность следующих друг за другом объективных факторов, так или иначе связанных с совершением преступления.

Согласно вышеприведенным соображениям использование указанных терминов представляется нецелесообразным. Сравнительно меньше возражений вызывает термин "ситуация совершения преступления"¹², хотя и он не лишен некоторых недостатков. Так, из самого этого термина непосредственно не следует, что данное понятие охватывает и ту ситуацию, которая предшествует преступлению. Однако данный недостаток представляется нам малозначительным. Попытка избежать его привела бы, скорее всего, к еще большей громоздкости этого термина.

Одним из спорных вопросов является продолжительность ситуации. Ю. М. Антонян, например, придерживается точки зрения, согласно которой ситуацию следует рассматривать лишь как совокупность объективных условий, предшествующих преступлению.¹³ Таким образом, он исключает из понятия условия, сопутствующие совершению преступления. Хотя Ю. М. Антонян и согласен с тем, что взаимодействие личности и среды продолжает существовать и после начального момента совершения преступления, он вместе с тем отмечает, что к этому времени криминогенная роль ситуации уже исчерпана.¹⁴

---

¹² См. А л и м о в С. Б. Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение. Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 10.

¹³ См. А н т о н я н Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении неосторожных преступлений. - "Советская юстиция", 1974, № 10, с. 6.

¹⁴ Там же, с. 23.

Мы не согласны с такой точкой зрения, ибо полагаем, что принятие решения (криминогенная "роль" ситуации в том и заключается, что она влияет на принятие решения) является не единичным актом, а процессом, продолжающимся и после начала действия. В качестве примера возьмем хулиганство. Вряд ли хулиган знает заранее, какие конкретные действия он предпримет в ходе своего хулиганства. Аналогична ситуация при нанесении телесного повреждения в ходе взаимной драки и во многих иных случаях.

Таким образом, не следует полагать, что к моменту начала совершения преступления криминогенная роль ситуации уже исчерпана. Ситуация может иметь криминогенное воздействие на данный объект вплоть до завершения преступного деяния.

До сих пор не решен также вопрос, какой момент считать началом ситуации. Здесь трудно согласиться с точкой зрения А. Р. Ратинова, рассматривающего ситуацию лишь с момента зарождения преступления.¹⁵ Кстати, и сам А. Р. Ратинов тут не совсем последователен, выделяя в качестве одного из видов ситуаций провоцирующие ситуации, провокация же предшествует моменту зарождения преступления.

Рассматривая ситуацию в системе "субъект-ситуация", началом ее можно считать момент, когда ситуация начинает влиять на субъект в направлении совершения им преступления, либо, наоборот, воздержания от его совершения. Если же не ограничиваться изучением действия ситуации лишь на одного субъекта, то к рассмотрению ее следует приступить с момента ее объективного возникновения. В этом случае налицо потенциальная ситуация совершения преступления. При наличии такого рода ситуации преступление совершается лишь тогда, когда в сферу ее влияния попадает лицо, характеризующееся определенными признаками, вследствие чего создается криминогенная система "субъект-ситуация". Таким образом, одной из задач профилактики преступности является устранение потенциальных ситуаций совершения преступлений. Если же это окажется объективно невозможным или нецелесообразным, необходимо вести работу по устранению вероятности попадания ок-

---

¹⁵ См. Ратинов А. Р. Методологические вопросы изучения личности преступника. - Психологическое изучение личности преступника. М., 1976, с. 6.

ределенных лиц под влияние таких ситуаций.

Наконец, попытаемся вкратце изложить нашу точку зрения на понятие ситуации совершения преступления. Ситуация совершения преступления представляет собой совокупность объективных условий, на базе которой может сформироваться криминальная система "субъект-ситуация" и которая, отражаясь в сознании субъекта, влияет на выбор им варианта поведения до и во время совершения преступления.

2. Элементы ситуации совершения преступления

Элементами ситуации совершения преступления являются внешние объективные обстоятельства. Все авторы сходятся во мнении, что ситуацию составляют объективные обстоятельства. Однако до сих пор нет единства во взглядах на характер этих объективных обстоятельств. В. Н. Кудрявцев указывает, что ситуацию составляют лишь те обстоятельства, под давлением которых субъект принял решение совершить преступление.¹⁶ Ю. М. Антонян рассматривает в качестве ситуации как способствующие совершению преступления обстоятельства, так и затрудняющие его совершение.¹⁷ С. В. Алимов утверждает, что в ситуацию должны быть включены также обстоятельства, нейтральные в отношении совершения преступления.¹⁸

Какую из этих точек зрения считать более предпочтительной? Нам представляется необоснованным исключение из понятия ситуации обстоятельств, препятствующих или затрудняющих совершение преступления. Эти обстоятельства необходимо учитывать в процессе выявления роли личности и ситуации в со-

---

¹⁶ См. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968, с. 38.

¹⁷ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении неосторожных преступлений. - "Советская юстиция", 1974, № 10, с. 21.

¹⁸ См. Алимов С. В. Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение. Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 10; Алимов С. В. Субъективные причины хулиганства и их преломление в конкретном преступном поведении. - "Вопросы борьбы с преступностью", вып. 16. М., 1972, с. 3.

вершении конкретного преступления. При прочих равных условиях роль личности, очевидно, более значительна в тех случаях, когда преступление совершается при наличии затрудняющих обстоятельств, в отличие от случаев, в которых затрудняющие совершение преступления обстоятельства отсутствуют. Затрудняющие (препятствующие) обстоятельства следует принимать во внимание и при установлении потенциальных ситуаций совершения преступления.

Включение в ситуацию так называемых нейтральных обстоятельств вызывает, однако, возражения. Нет сомнений в том, что совершению преступления сопутствуют и такие обстоятельства, которые не имеют провоцирующего, облегчающего, затрудняющего или препятствующего воздействия на субъект преступления. Однако поскольку эти обстоятельства ни в коей мере не влияют на совершение преступления, нет оснований для рассмотрения их в качестве составной части ситуации. Тем более, что количество такого рода нейтральных сопутствующих преступлению обстоятельств столь велико, что их рассмотрение представляется практически немислимым.

Таким образом, согласно нашей точке зрения, элементами ситуации совершения преступления являются объективные обстоятельства, оказывающие провоцирующее, облегчающее, затрудняющее либо препятствующее воздействие на совершение преступления.

В литературе можно встретить мнение о наличии ряда элементов, входящих в ситуацию в каждом конкретном случае совершения преступления. Ю. М. Антонян, который, кстати, против включения в ситуацию нейтральных условий, приводит пять видов такого рода условий: 1/ предмет преступления; 2/ место совершения преступления; 3/ время совершения преступления; 4/ время года и 5/ климатические условия.¹⁹

Представляется, что по крайней мере некоторые из этих элементов далеко не всегда влияют на совершение преступления. Трудно поверить, например, что на вынесение заведомо неправомерного приговора из корыстных побуждений (ст. 169 УК ЭССР) влияет время и место совершения этого преступления,

---

¹⁹ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении неосторожных преступлений. - "Советская юстиция", 1974, № 10, с. 28.

что время года влияет на взяточничество (ст. 164 УК ЭССР) или климатические условия - на сокрытие фактов, препятствующих вступлению в брак (ст. 187 УК ЭССР).

Единственным элементом приведенного Ю. М. Антоняном перечня, действительно влияющим на совершение любого преступления, является сам предмет преступления в условиях, когда предмет преступления оказывается возможным выделить. Относительно прочих элементов напрашивается вопрос: являются ли они вообще элементами ситуации совершения преступления. Ведь для нас представляет интерес не просто время и место совершения преступления как таковые, а то, что стоит за ними, т.е. обстоятельства, влияющие на принятие решения совершить преступление. Время года, например, представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку им определены разного рода условия метеорологического характера. Время и место совершения преступления интересуют нас лишь потому, что от них зависят такие моменты как возможность заметить совершение преступления со стороны, возможность вмешательства в него с целью пресечения. Таким образом, на наш взгляд, нет особых оснований выделять место, час и время года в качестве отдельных элементов ситуации совершения преступления.

Элементами ситуации совершения преступления наряду с 1) предметом преступления являются также 2) материальные условия совершения преступления, 3) состояние социального контроля, 4) взаимоотношения преступника с другими людьми (в том числе и с потерпевшим), не охваченные состоянием социального контроля, и 5) поле легальных возможностей удовлетворения актуальных потребностей субъекта.

Под материальными условиями совершения преступления мы подразумеваем так называемые допускающие условия, т.е. такие внешние условия, которые создают объективную возможность совершения преступления. Эти материальные условия могут оказывать на совершение преступления как способствующее, так и затрудняющее действие.

Социальный контроль представляет собой систему средств (например, внушение, убеждение, принуждение, и т.п.), к которым общество и отдельные социальные группы прибегают с целью достижения соответствия поведения индивида с оцепри-

нятыми поведенческими моделями.²⁰ Состояние социального контроля измеряется эффективностью средств, используемых в данной ситуации, и характером норм, соблюдение которых преследуется этими средствами. Состояние социального контроля зависит от такого рода факторов как время и место совершения преступления, взаимоотношения субъекта с другими людьми и т.д. и по своему характеру может быть положительным или отрицательным. Социальный контроль может быть формальным и неформальным в зависимости от того, кем он осуществлен.²¹ Состояние социального контроля может быть разным в зависимости от времени и места совершения преступления. Как правило, преступления совершаются в условиях недостаточно интенсивного влияния положительного социального контроля. Однако совершение преступления не исключено и при наличии относительно сильного положительного социального контроля. Влияние состояния социального контроля как и влияние ситуации в целом в значительной мере зависит от личности преступника, его физического и психического состояния во время совершения преступления.

Поле легальных возможностей удовлетворения актуальных потребностей определяет степень объективной вынужденности субъекта прибегнуть к незаконным (иллегальным) средствам.

Часть взаимоотношений субъекта с другими лицами охвачена состоянием социального контроля (например, взаимоотношения ученика и учителя, в которых последний осуществляет контроль за поведением первого), другая часть выходит за его рамки (например, конфликтные взаимоотношения субъекта с другим лицом, которые реализуются в акте преступления), что и служит основанием их рассмотрения в качестве особого элемента ситуации совершения преступления. Эти взаимоотношения могут оказывать как провоцирующее, облегчающее, так и затрудняющее или препятствующее действие. Большинство из них, разумеется, по своей природе нейтральны относительно преступления, однако, такого рода взаимоотношения на рассматриваются в качестве элемента ситуации.

---

²⁰ H a s k e l l M. R., Y a b l o n s k y L. Criminology: Crime and criminality. Chicago, 1974, p. 8.

²¹ О социальном контроле подробнее см. Т о м б а к К. Индивидуальная профилактика преступлений. - Наст. сборник, с. II3-II9.

3. Виды ситуаций совершения преступления

Наибольшее криминологическое значение имеет классификация видов ситуаций совершения преступления на основании характера их воздействия на субъект в процессе принятия им решения совершить преступление и в ходе его реализации. На этом основании В. А. Номоконов выделены четыре вида ситуаций: 1) провоцирующие, 2) благоприятствующие, 3) нейтральные и 4) препятствующие.²²

Классификация А. Р. Ратинова представляется более точной и детализированной. В его классификации проводится грань и между препятствующими и затрудняющими ситуациями и тем самым вся классификация дополняется пятым элементом - затрудняющими ситуациями.²³

Следует иметь в виду, что такая классификация предусматривает подход к ситуации в целом, в совокупности ее элементов, а не к каждому элементу в отдельности. В то же время отдельные элементы одной и той же ситуации могут оказывать различное действие. По всей вероятности, в большинстве случаев налицо сосуществование как способствующих, так и затрудняющих и препятствующих, а иногда и провоцирующих элементов. Как в таком случае характеризовать ситуацию в целом при наличии в ней элементов противоположного характера? В. А. Номоконов решает этот вопрос предельно просто: если в ситуации налицо как провоцирующие, так и препятствующие совершению преступления элементы, то ее можно считать нейтральной.²⁴ Такое правило, однако, явно упрощает задачу оценки ситуации. Ведь действие провоцирующих и препятствующих элементов крайне редко бывает равносильным, т.е. действие отдельных элементов не обязательно нейтрализуется действием других. И если мы, например, знаем, что действие провоцирую-

---

²² См. Номоконов В. А. Взаимодействие личности и ситуации как выражение свободы воли преступника. - Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1974, с. 17.

²³ См. Ратинов Р. А. Методологические вопросы изучения личности преступника. - Психологическое изучение личности преступника. М., 1976, с. 7.

²⁴ Там же, С. 17.

щих элементов было более сильным (именно провоцирующие элементы, как правило, оказывают более сильное действие, ибо провоцирующее воздействие ситуации на субъект часто лишает его способности трезво оценить обстоятельства, затрудняющие или препятствующие совершению преступления), и тем не менее считаем эту ситуацию нейтральной, мы тем самым сознательно затрудняем объективный анализ соотношения ситуации и личности преступника в совершении преступления.

Следовательно, наличие противоположных по характеру элементов в ситуации не дает нам оснований для признания ее нейтральной. Общая оценка ситуации зависит, на наш взгляд, от того, какие элементы в ней доминируют. Нейтральной же ситуацией может считаться лишь тогда, когда ни один из видов элементов разного характера действительно не доминирует в ней и разнохарактерные элементы фактически взаимно нейтрализуются. О подобной нейтрализации может идти речь лишь в связи с одним конкретным субъектом, ибо действие отдельных элементов на разные субъекты различно.

Не исключена возможность присутствия в ситуации элементов различного характера, которые, однако, взаимно не нейтрализуются. Ситуация не может быть признана нейтральной и в этом случае, ибо она все же обладает определенным действием на субъект. Такого рода ситуации не укладываются в рамки перечисленных выше классификаций. Это обстоятельство вынуждает нас выделить их в качестве самостоятельного вида — "ситуации противоречивого действия". Этот вид ситуаций в ходе эмпирических исследований до сих пор специально не рассматривался. Тем не менее можно предположить, что такие ситуации обладают значительным криминогенным действием, тем самым заметно отличаясь от нейтральных ситуаций, к которым их причисляет В. А. Номоконов.

При рассмотрении классификации ситуаций на основе их воздействия на совершение преступления может возникнуть вопрос: к каким видам преступлений такая классификация вообще подходит? А. Р. Ратинов на этой проблеме специально не останавливается. В. А. Номоконов придерживается точки зрения, согласно которой подобная классификация применима к умышленным корыстным и насильственным преступлениям, а также и к неосторожным преступлениям. Поскольку иные умышленные преступления В. А. Номоконовым не рассмотрены, нам неизвестна

его позиция в отношении применимости данной классификации и к ситуациям совершения этих преступлений. Нам же представляется вполне обоснованным ее применение (с некоторыми незначительными изменениями) ко всем умышленным преступлениям.

Соглашаясь с вышеуказанной точкой зрения В. А. Номоконова, мы должны были бы признать, что одним из видов ситуаций неосторожных преступлений оказываются провоцирующие ситуации. У В. А. Номоконова мы находим прямое утверждение такой точки зрения. В качестве примера такого рода провоцирующих ситуаций он указывает на преступное нарушение водителем транспортного средства правил дорожного движения (ст. 204 УК ЭССР) в условиях нарушения и пешеходом правил дорожного движения, явно плохих дорожных условий или при наличии технической неисправности транспортного средства, о которой водитель не знает.²⁵ Однако во всех этих случаях, на наш взгляд, трудно обнаружить провоцирующие элементы. Начнем с последнего (неизвестная водителю техническая неисправность транспортного средства). Существуют две возможности. Во-первых, возможен вариант, когда водитель вообще не был обязан или не мог знать о технической неисправности (если, например, причиной аварии явилась поломка полуоси, изготовленной с нарушением технологии). В этом случае вина водителя отсутствует и тем самым нет оснований говорить о ситуации совершения преступления. Второй вариант допускает случай, когда водитель мог и был обязан знать о технической неисправности. Здесь налицо преступление, однако провоцирующая роль ситуации далеко не ясна. Ведь нельзя же назвать провокацией пренебрежение водителем своими обязанностями (в этом-то и заключается его вина), вследствие чего наносится значительный ущерб либо причиняется иное тяжкое последствие.

Трудно также понять, как могут спровоцировать преступление плохие дорожные условия. Согласно статье 73 Правил дорожного движения водитель обязан выбирать скорость, соответствующую условиям дороги.²⁶ Следовательно, в плохих до-

---

²⁵ См. Номоконов В. А. Взаимодействие личности и ситуации как выражение свободы воли преступника. - Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1974, с. 17.

²⁶ См. Правила дорожного движения. Введены в действие с 1 янв. 1973 г. Утв. 25 авг. 1977 г. Куйбышев, 1976.

рожных условиях водитель обязан выбрать скорость, обеспечивающую ему управляемость машины и **исключающую** возможность аварии по причине плохих дорожных условий. Влияние этих условий более ощутимо в случаях, когда за хорошим отрезком пути внезапно следует плохой, причем не обозначенный соответствующими знаками. В таком случае хорошие дорожные условия на самом деле словно "провоцируют" такое повышение скорости, которое оказывается опасным при внезапном наезде на плохой участок дороги. Но и в данном случае редко ухудшающиеся дорожные условия трудно назвать провоцирующими, ибо под провокацией, как правило, все же понимается некая деятельность, прямо направленная на то, чтобы вызвать определенные действия субъекта, которые в конечном счете ему невыгодны.²⁷ Теоретически, конечно, допустимо, что кем-то на самом деле провоцируется совершение преступления по неосторожности, однако, если такие случаи и известны практике, то они наверняка носят единичный характер.

Взаимоотношения между ситуацией и субъектом в умышленных и неосторожных преступлениях принципиально различны. При совершении умышленных преступлений субъект оценивает ситуацию достаточно досконально с точки зрения поставленной им цели. И решение совершить преступление является следствием взаимодействия субъекта и ситуации. В случае совершения преступления по неосторожности результатом этого взаимодействия является определенное поведение, которое ведет к непреднамеренным преступным последствиям. Субъект совершает здесь преступление вследствие ошибочной оценки ситуации.²⁸ Часть вины в таком случае ложится на субъект (в противном случае преступления не существует), но определенную роль здесь играет и ситуация. Ситуация может привести к неправильному решению в силу своей сложности или побуждением к принятию необдуманных решений (например, если общая атмосфера бесхозяйственности и попустительства на заводе обусловила халатность кладовщика при хранении материальных ценностей).

---

²⁷ См. БСЭ, т. 21. М., 1975, с. 32.

²⁸ См. Дагелъ П. С. Причины неосторожных преступлений в СССР. - "Советское государство и право", 1973, № 3, с. 68-69.

Соответственно этому следует строить и классификации ситуаций совершения неосторожных преступлений. По степени их сложности, например, 1) очень сложные, 2) сложные, 3) обычные и 4) элементарные ситуации. На основе того, как ситуация обуславливает неосторожность при принятии решений, можно различать ситуации 1) обладающие и 2) не обладающие таким действием.

Возможны и иные основания для классификации ситуаций совершения преступлений. Ю. М. Антонян различает три группы ситуаций в зависимости от основания их возникновения: 1) ситуации, возникновение которых связано с деятельностью субъекта; 2) ситуации, возникающие независимо от субъекта и связанные с предметом преступления; 3) смешанные ситуации, возникающие в итоге совместного влияния деятельности субъекта и иных обстоятельств.²⁹ Причем, к первой группе Ю. М. Антонян причисляет главным образом те ситуации, которые возникают в результате деятельности субъекта, специально направленной на создание благоприятных условий для совершения преступления.³⁰ Но здесь Ю. М. Антоняном не учитывается то обстоятельство, что создание благоприятных условий для совершения преступлений является подготовлением к преступлению и все такого рода действия таким образом уже преступны. Следовательно, исходя из позиции Ю. М. Антоняна, согласно которой роль ситуации исчерпывается к моменту начала преступления, в этих случаях уже нельзя говорить о конкретной жизненной ситуации.

Мы полагаем, что действие ситуации продолжается и во время совершения преступления, на протяжении которого она продолжает оставаться ситуацией совершения преступления. Тем не менее вышеприведенная классификация не соответствует нашей концепции. Описанная классификация словно полагает наличие у субъекта возможности самому создавать ситуацию (в противном случае первый и третий виды ситуаций практически совпадали бы). Однако с позиций материализма ситуация не сотворяется субъектом, а лишь видоизменяется, до некоторой

---

²⁹ См. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении неосторожных преступлений. - "Советская юстиция", 1974, № 10, с. 24.

³⁰ См. там же.

степени переформируется им.

Таким образом, на вышеприведенном основании ситуации подразделяются лишь на две группы - ситуации, в формировании которых участвовал сам преступник, и ситуации, возникающие независимо от него. Однако посмотрим далее. Имеем ли мы основание рассматривать часть ситуаций лишь начиная со стадии приготовления к преступлению, в то время как обычно ситуация исследуется и в период, предшествующий моменту начала преступного поведения, в том числе и приготовления к преступлению? Представляется, что нет. Следовательно, и при анализе ситуаций, включенных Ю. М. Антоняном в первую группу, необходимо рассмотрение периода, предшествующего приготовлению к преступлению, т.е. периода, когда субъект еще не приступил к переформированию ситуации.

С другой стороны ясно, что и ситуации второй группы классификации Ю. М. Антоняна в определенной мере преобразуются преступником во время совершения преступления. Таким образом, Ю. М. Антоняном описаны не отдельные виды ситуаций, а этапы развития ситуации совершения преступления. Ведь любая ситуация сначала выступает как независимая от субъекта, затем действия субъекта несколько преобразуют ее.

Интересны классификации Д. В. Ривмана, подразделяющего все ситуации на ситуации одноразового характера и на ситуации-системы, состоящие из ряда событий.³¹ Такая классификация противостоит довольно типичной тенденции рассматривать ситуации-системы также однофактными путем анализа лишь наиболее близких во времени к преступлению элементов.

Д. В. Ривман классифицирует ситуации и на основе характера поведения потерпевшего. Им выделяются 1) ситуации толчкового характера, в которых поведение потерпевшего носило провоцирующий характер, 2) ситуации толчкового характера, в которых поведение потерпевшего было положительным, 3) ситуации, в которых потерпевшим была создана возможность совершения преступления; 4) замкнутые ситуации, в которых потерпевшим оказывается сам преступник; 5) ситуации, в которых поведение потерпевшего было абсолютно нейтральным.³²

---

³¹ См. Р и в м а н Д. В. Витимологические факторы и профилактика преступлений. Д., 1975, с. 31.

³² Там же, с. 25.

Этой классификацией не учитывается то обстоятельство, что поведение потерпевшего может препятствовать совершению преступления или затруднять его и не придавая ситуации толчкового характера. Сомнения вызывает и обоснованность выделения в качестве особого вида замкнутых ситуаций. В качестве примеров такого рода ситуаций Д. В. Ривман приводит самоувечья с целью уклонения от воинской обязанности, уничтожение собственного имущества, имеющего особую историческую и культурную ценность. Но эти действия являются преступными не потому, что преступником наносится ущерб самому себе, а потому, что им наносится вред интересам других членов общества. Таким образом, потерпевшим в этих случаях следует считать не преступника, а государство или организацию, хотя процессуально ни они, ни тем более сам преступник потерпевшими не признаются.

ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЁ СВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНЫМ КОНТРОЛЕМ

К. Т о м б а к,

ст. научн. сотрудник проблемной
лаборатории криминологии ТГУ

I. Понятие индивидуальной профилактики преступлений

I.I. В Программе КПСС отмечается, что в социалистическом государстве не должно быть места правонарушениям и преступности. Наряду с необходимостью применения к преступникам строгих мер наказания "главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений."¹

В настоящее время, в период формирования коммунистических отношений в условиях развитого социализма и общенародного государства, проблемы борьбы с преступностью и в особенности проблемы их предупреждения приобретают особую остроту и значение.

В советской криминологической литературе предупреждение преступлений рассматривается как широкий комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными органами и общественностью в целях искоренения преступности и устранения или нейтрализации причин и условий преступлений.² При этом проводится различие между общесоциальным и специально-криминологическим уровнями предупреждения преступлений.

Общесоциальное предупреждение преступлений обеспечивается созданием материально-технической базы коммунизма, сглаживанием исторически обусловленных различий и противоречий социализма, развитием демократии и общественной активности масс, т.е. всей совокупностью мероприятий, направленных

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 106.

² См. Криминология. М., 1976, с. 203; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977, с. 30.

ных на развитие и совершенствование социализма, его экономики, идеологии, культуры, многообразных общественных отношений между людьми.³

Специально-криминологический уровень охватывает те мероприятия, которые направляются непосредственно на устранение причин и условий различных преступлений. В данном случае имеется в виду как устранение тех обстоятельств, которые способствуют формированию антиобщественной позиции личности, её "готовности к совершению преступления", так и обстоятельств, связанных с формированием ситуации совершения преступления.⁴

Отличие мероприятий по предупреждению преступлений на специально-криминологическом уровне от мероприятий общесоциального уровня заключается в их специальном предназначении и целенаправленности: решение профилактических задач составляет все их содержание. Предупреждение преступлений на уровне специально-криминологических мероприятий имеет ряд взаимосочетаемых направлений, в том числе применительно: "к видам преступлений и типам преступного поведения; сферам общественной жизни, в которых проходит формирование человека и складываются ситуации, детерминирующие его поведение; социальным группам, характеризующимся специфическими показателями; отраслям народного хозяйства и сферам деятельности, для которых характерны специфические криминогенные факторы; территориальным зонам"⁵.

В качестве различия между указанными уровнями следует отметить и то обстоятельство, что если мероприятия общесоциального уровня проводятся постоянно, то мероприятия специально-криминологического характера проводятся по мере криминологической необходимости - при наличии криминогенных отклонений у определенной части населения или отдельной личности, при повышении уровня преступности в конкретном регионе и т.п.

---

³ См. Криминология. М., 1976, с. 203-204.

⁴ См. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977, с. 38.

⁵ Там же, с. 39.

Задачи в области предупреждения преступлений решаются как на общесоциальном, так и на специально-криминологическом уровнях в различных масштабах:

- 1) в общегосударственном масштабе;
- 2) в пределах определенного контингента населения или административно-территориального подразделения;
- 3) на уровне конкретных предприятий, учреждений, организаций, трудовых коллективов;
- 4) на уровне отдельных личностей и микрогрупп.⁶

Меры по предупреждению преступлений в последнем масштабе именуется индивидуальной профилактикой, которая представляет собой конкретизацию общесоциальных и специально-криминологических мер относительно конкретной личности или конкретной группы.

Неправомерным было бы сведение индивидуальной профилактики только к мерам специально-криминологического характера, так как общесоциальные меры в конечном счете также направлены непосредственно на индивида. Так, например, известно, что отличительным признаком молодых правонарушителей в сравнении с законопослушной молодежью является их относительно низкий образовательный уровень.⁷ Повышение общеобразовательного уровня является тем самым мероприятием общесоциального уровня, а его применение к конкретной личности представляет собой общесоциальное мероприятие индивидуальной профилактики.

Индивидуальная профилактика охватывает комплекс мероприятий, направленных 1) на устранение влияний, которые могут привести к формированию антиобщественной ориентации личности и к ее противоправному поведению; 2) на изменение социально неодобряемого поведения, социально неодобряемых взглядов, интересов, стремлений и наклонностей личности (в тех случаях, когда такое извращенное формирование уже произошло), с целью предупреждения а) первого преступления

---

⁶ Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977, с. 40; Криминология. М., 1976, с. 208.

⁷ См., например, К и н г с Х. Э. Данные к характеристике юного правонарушителя. На эстонском языке. - Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Выпуск 473. Актуальные проблемы криминологии. Тарту, 1978, с. 106.

(один эпизод), б) совокупности преступлений (второй, третий и т.д. эпизоды), в) рецидива.⁸

Таким образом, индивидуальная профилактика заключается в выявлении и устранении или нейтрализации причин возможного преступного поведения конкретной личности, а также условий и конкретных ситуаций, способствующих совершению противоправных поступков.

На основе вышеуказанного можно сформулировать определение понятия индивидуальной профилактики преступлений как комплекса общесоциальных и специально-криминологических мер и мероприятий, проводимых различными государственными органами, общественными организациями и гражданами и направленных на предупреждение возможного преступного поведения конкретных лиц путем выявления и устранения или нейтрализации причин и обстоятельств, способствующих совершению преступления.

1.2. Разные авторы под понятием предупреждения преступности подразумевают различные явления. Нет единства и в употребляемой терминологии. Наиболее широко распространен термин "предупреждение преступлений", часто используется также и термин "профилактика преступлений". В тех же значениях в литературе встречается термин "предотвращение преступлений" и "превенция преступности". Представляется целесообразным устранение такого рода плюрализма в терминах путем избавления от терминов "превенция" и "предотвращение" (что, разумеется, не означает их произвольного изгнания из юридического языка вообще!) и попыток ограничиться наиболее распространенными терминами "предупреждение" и "профилактика".

От вышеприведенных понятий, на наш взгляд, следует отличать понятие "пресечение преступлений". В данном случае подразумевается предупреждение не самого преступления, а его завершения, его общественно опасных последствий. Когда лицо приступило к подготовке преступления или к его совершению, уже налицо факт брака в профилактической работе. Теперь здесь применимы лишь меры пресечения и речь может идти о пресечении преступлений как о самостоятельном юридическом институте.⁹

---

⁸ См. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977, с. 198.

⁹ См. Д е р б е н е в А. П. Понятие предупреждения преступлений. - Правоведение, 1969, № 3, с. 121-122.

Такая точка зрения воспринята и практикой: уголовная статистика ведет учет в качестве преступлений и за приготовлением к преступлению и покушением на преступление.

На этом основании вызывает серьезные возражения встречающаяся попытка рассматривать пресечение преступления как вид или стадию процесса предупреждения преступлений.¹⁰

А. Г. Лекарь предлагает свою, принципиально отличную от приведенной в настоящей статье концепцию предупреждения преступлений и института профилактики. Понятие предотвращения преступлений он рассматривает как общее понятие, которое делится далее на следующие составные элементы:

- 1) профилактика преступления;
- 2) предупреждение преступлений;
- 3) пресечение преступлений.¹¹

Профилактика преступлений, в свою очередь, делится на общую и индивидуальную.¹² И затем, рассматривая понятие индивидуальной профилактики более подробно, А. Г. Лекарь наделяет его тем же содержанием, что и предупреждение преступлений.¹³ В таком случае нам не ясна необходимость различения понятий "профилактика" и "предупреждение" преступлений.

Предупреждение и профилактика преступлений различаются и Ю. М. Антоняном в статье "О понятии профилактики преступлений", где первому понятию соответствует предупреждение преступлений в широком смысле, охватывающем как общесоциальный, так и специально-криминологический уровни, и второму — специально-криминологический уровень предупреждения преступлений.¹⁴

---

¹⁰ См. Криминология. М., 1976, с. 211-212; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977, с. 199; Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977, с. 28-29.

¹¹ См. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М., 1972, с. 3.

¹² Там же, с. 81.

¹³ См. Там же, с. 92.

¹⁴ См. Антонян Ю.М. См. О понятии профилактики преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977, с. 26-27.

Используемое Ю. М. Антоняном понятие индивидуального предупреждения преступлений несколько уже приведенного нами понятия индивидуальной профилактики, ибо им не охвачен общесоциальный уровень.

Индивидуальное предупреждение преступлений расчленяется Ю. М. Антоняном далее следующим образом:

- 1) индивидуальная профилактика преступлений;
- 2) предотвращение конкретных преступлений;
- 3) пресечение конкретных преступлений.¹⁵

Первые два вида охвачены в настоящей статье понятием индивидуальной профилактики преступлений. Что же касается пресечения преступлений, то выше была отмечена наша позиция в этом вопросе: пресечение, на взгляд автора, не входит в понятие профилактики преступлений и образует самостоятельный юридический институт.

2. Социальный контроль и его связь с индивидуальной профилактикой преступлений

2.1. Следует отметить наличие тесной связи между понятиями "профилактика преступлений" и "социальный контроль".

Каждой социальной группой вырабатывается ряд мер, систем предписаний и запретов, средств убеждения, принуждения и поощрения, при помощи которых поведение индивидов приводится в соответствие со стереотипами поведения и ценностными ориентациями, принятыми группой, т.е. формируется конформизм членов группы. Эти системы вместе взятые образуют систему социального контроля.¹⁶

В советской криминологической литературе последнего времени вопросам социального контроля посвящены главным образом труды К. Е. Игошева. Социальный контроль понимается им только в положительном значении. К. Е. Игошев подвергает критике авторов, различающих и положительные, и отрицатель-

---

¹⁵ См. Антонян Ю. М. О понятии профилактики преступлений. - Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977, с. 28-29.

¹⁶ См. Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 102.

ные моменты социального контроля.¹⁷

Вместо понятия "отрицательный социальный контроль" (например, социальный контроль, осуществляемый антиобщественно ориентированной группой над своими членами) К. Е. Игошев говорит о факторах или социальных процессах, которые способствуют "сохранению и оживлению" антиобщественных явлений.¹⁸

В данном К. Е. Игошевым определении социального контроля в широком смысле нет места отрицательному социальному контролю. К. Е. Игошев пишет: "В широком смысле под социальным контролем понимают исторически сложившуюся общественную систему воздействия на субъекта (класс, социальную или иную группу, коллектив, личность), направленную на организацию его деятельности в рамках принятых в обществе правил, норм и социальных ценностей, выражающих общественные интересы."¹⁹

В то же время понятие социального контроля в узком смысле ("социальный контроль как процесс государственного и общественного воздействия на личность, в результате которого реализуются общественные веления и требования нормативного и ненормативного характера"²⁰) не исключает отрицательного характера такого контроля.

Нам представляется более правильной концепция К. С. Матевосяна, различающего формальный и неформальный социальный контроль, причем последний он, в свою очередь, делит по своему характеру на положительный и отрицательный.²¹

Мы попытаемся дать свое определение социального контроля. При этом мы исходим из вышеприведенных формулировок,

---

¹⁷ См. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 119-124.

¹⁸ См. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976, с. 30-31; Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социальный контроль и его криминологическое значение. - "Советское государство и право", 1974, № 9, с. 76.

¹⁹ См. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1976, с. 124.

²⁰ Там же, с. 126.

²¹ См. Матевосян К. С. Индивидуальная профилактика правонарушений и социальный контроль. - В сб.: Правовое регулирование общественных отношений (Материалы научной конференции аспирантов-юристов). М., 1977, с. 139.

а также признаем наличие отрицательного социального контроля. Под социальным контролем мы понимаем систему средств воздействия на определенный социальный объект (класс, иные социальные группы, индивид), используемую субъектом контроля (государством, государственной или общественной организацией, иной социальной группой, индивидом) с целью достижения соответствия поведения и духовного мира объекта признаваемым субъектом контроля за эталонные установкам, стереотипам поведения, ценностным ориентациям и иным нормам и правилам.

2.2. К. Е. Игошев вполне обоснованно выделяет две основные формы социального контроля - внутренний и внешний. Он пишет: "Социальный контроль по отношению к личности выступает, с одной стороны, как внешняя система государственных и общественных требований, норм, правил, регламентаций, с другой - как внутренне присущая личности система самоконтроля и саморегуляции."²²

Внешняя система контроля представляет собой регулятивное воздействие на личность окружающей ее среды, т.е. определенный набор внешних по отношению к индивиду факторов, осуществляющих контроль за его поведением и направляющих его поведение в определенное русло.²³

Практическое осуществление внешнего социального контроля происходит, в свою очередь, в двух формах, именуемых К. Е. Игошевым правовым и моральным контролем. Правовой социальный контроль осуществляется специальными уполномоченными государственными органами и общественными организациями, "он урегулирован нормами права и организуется путем выявления соответствующего поведения лиц и оценки их деятельности на основе применения формальных позитивных или негативных санкций."²⁴

---

²² Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976, с. 68.

²³ См. Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социальный контроль и его криминологическое значение. - "Советское государство и право", 1974, № 9, с. 77.

²⁴ См. там же, с. 78; о подразделении санкций см. Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 105-107.

Учитывая точную и строгую регламентированность этой формы контроля, а также его осуществление формальными социальными институтами, мы считаем возможным согласиться с К. С. Матвеевым, который справедливо рассматривает такого рода контроль как формальный социальный контроль.

Эффективное влияние формального социального контроля на личность вытекает из того обстоятельства, что требования здесь всегда сформулированы точно и обеспечены не только общественным и коллективным мнением, но и системой государственных мер принуждения.

Моральный, или в противоположность формальному, неформальный социальный контроль основан на оценке деятельности человека его ближайшим социальным окружением. Доброжелательные или враждебные, поощряющие или порицающие и т.п. оценки со стороны этой социальной среды в конечном итоге оказывают на человека большее воздействие, чем официальное признание или осуждение того или иного поступка. Большая эффективность этой формы контроля основана на том, что в процессе межличностного общения формируется так называемое чувство общности, стимулирующее человека на действия, ожидаемые его ближайшим социальным окружением.²⁵

В большинстве случаев на личность воздействуют одновременно обе формы контроля, т.е. как формальный, так и неформальный контроль. Личность должна подчиняться как действующим в обществе нормам права и морали, так и идеологии и нормам поведения своей социальной группы. Формальный социальный контроль всегда положителен, неформальный же может быть как положительным, так и отрицательным.

Если человек является членом положительной неформальной группы, то неформальный социальный контроль, осуществляемый данной группой, существенно дополняет формальный контроль других групп, органов и организаций. Но в качестве субъектов неформального социального контроля могут быть и социальные группы антиобщественной направленности, толкающие человека на путь противоправного поведения. В данном случае возможно столкновение действий формального и неформального контроля,

---

²⁵ См. Игوشев К. Е., Шмаров И. В. Социальный контроль и его криминологическое значение. - "Советское государство и право", 1974, № 9, с. 78.

которое следует учитывать при проведении индивидуальной профилактики преступлений.²⁶

При наличии отрицательного неформального социального контроля нужны дополнительные усилия для его устранения. В противном случае действие всего положительного социального контроля может быть сведено на нет. Необходимо изолировать лицо от общения с отрицательно действующей и мыслящей социальной группой, особенно если она оказывается референтной для данного индивида, ибо последняя характеризуется не только стабильностью взаимодействий, но и единством целей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения.²⁷

При индивидуальной профилактике преступлений следует учитывать не только разного рода воздействия на личность, но и степень подчиненности лица действиям неформальных групп.²⁸ На человека, как правило, оказывают одновременное воздействие несколько формальных и неформальных групп. Лицо, являющееся активным носителем идеологии референтной группы, может лишь внешне соглашаться с позицией других формальных и неформальных групп. Действительные и декларативные ценностные ориентации групп могут, помимо того, различным образом изменяться и преобразовываться в сознании, переходя одна в другую. Таким образом, суждения о целесообразности, направлениях и интенсивности профилактической работы в значительной мере зависят от выявления референтной группы правонарушителя, раскрытия ее психологически-нравственной основы и взаимодействий с другими малыми группами.

2.3. Другая основная форма социального контроля – внутренняя система контроля – представляет собой присущий духовному миру личности "социально-психологический механизм волевых действий и поступков, раскрывающий особое качество личности – ее способность к социальной саморегуляции. Последняя в свою очередь охватывает такие явления как самоконтроль и самовоспитание, основанные на мировоззрении и сознательно планируемые личностью и изменяемые человеком в

---

²⁶ См. Матвеев Я. К. С. Индивидуальная профилактика правонарушений и социальный контроль. – В со.: Правовое регулирование общественных отношений. (Материалы научной конференции аспирантов-юристов). М., 1977, с. 139.

²⁷ См. там же.

²⁸ См. там же.

зависимости от общественных требований.²⁹

Способность к самоконтролю и саморегуляции основывается на самосознании личности, которое формируется и развивается прежде всего как результат познания (и овладения) окружающих общественных условий и межличностных отношений, регулируемых социальными нормами и правилами. Отношение к разного рода нормам и правилам является неотъемлемой частью самосознания, ибо необходимость в самопознании возникает в связи с потребностью более эффективно регулировать свои отношения с другими людьми. В силу этого самосознание, самоконтроль и саморегуляция характеризуются как взаимосвязанные явления внутренне единого процесса формирования личности.³⁰

Уровень самоконтроля и саморегуляции определен тем, насколько личностью усвоены предписания общественной морали и права, неуклонностью следования им в повседневном поведении. Хотя право и мораль выступают всегда в определенной мере в качестве неких внешних регуляторов, они способны стать существенными компонентами сознания в виде правовых представлений, взглядов, идей. По существу это является диалектическим процессом перехода фактов внешнего мира во внутренние детерминанты поведения.³¹

Социальная саморегуляция эффективно выполняет свою положительную функцию в том случае, когда индивидом глубоко осознается социальное значение правовых, моральных и иных предписаний, когда они становятся некой духовной ценностью и формируется система убеждений, направленная на их беспрекословное исполнение. И наоборот. Отсутствие глубоких убеждений относительно функций и природы социальных нормативов превращает индивида в жертву складывающихся ситуаций, своих страстей, влечет за собой неспособность к самоконтролю, обеспечивающему положительную направленность своего поведения.³²

---

²⁹ См. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 133.

³⁰ См. там же, с. 134.

³¹ См. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976, с. 79-80.

³² См. там же, с. 80.

Формирование искаженных представлений о самом себе, своём социальном окружении, о действующих нормах связано с определенными отрицательными характеристиками ближайшего окружения. Итогом является система внутреннего контроля, противоречащая интересам общества и государства. Это противоречие наиболее характерно личности преступника.³³

Знание особенностей самоконтроля и саморегуляции личности преступника является необходимой предпосылкой научно обоснованной индивидуальной профилактики преступлений. Ибо целью такой профилактики является помимо всего прочего преодоление противоречий между внутренней системой контроля и внешними социальными и государственными средствами контроля. В итоге должно сформироваться определенное гармоническое единство индивидуальной саморегуляции и социальных норм. Цели индивидуальной профилактики могут считаться достигнутыми тогда, когда главными элементами системы внутреннего контроля станут правовые и моральные предписания, общественные императивы.³⁴

2.4. Сравнение понятий социального контроля и индивидуальной профилактики преступлений приводит к обнаружению известного сходства между ними.

Придерживаясь позиции наличия как положительного, так и отрицательного социального контроля, мы все же сравниваем индивидуальную профилактику преступлений лишь с положительным социальным контролем. Если целью формального и положительного неформального социального контроля является обеспечение соответствия поведения субъекта всем одобряемым обществом нормам поведения (в том числе и правовым), то целью индивидуальной профилактики преступлений является обеспечение соответствия поведения субъекта прежде всего нормам уголовного права. Отсюда следует, что социальный контроль — понятие более широкое, чем индивидуальная профилактика преступлений. Специфика индивидуальной профилактики придает ей качество особенного в сопоставлении с социальным контролем как общим. В конечном итоге они оба служат великой цели формирования человека нового общества.

---

³³ См. Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика преступлений. Горький, 1976, с. 81.

³⁴ См. там же, с. 82-83.

С о д е р ж а н и е

Х. Кингс.	Генезис преступного поведения и его эмпирическое исследование	3
Х. Рандалу.	О социальных закономерностях, математике и некоторых проблемах генезиса преступного поведения	2I
К. Нигола.	Влияние пола виновных на вид совершенных ими преступлений	3I
Х. Кяртнер.	Преступления, совершенные с целью приобретения алкогольных напитков	50
И. Кингс.	К вопросу о личности молодого правонарушителя /по материалам анализа подвыборки сравнительного конкретно-криминологического исследования законопослушной молодежи и различных категорий молодых правонарушителей в Эстонской ССР/	69
Я. Гинтер.	Понятие, элементы и виды ситуации совершения преступления	92
К. Томбак.	Понятие индивидуальной профилактики преступлений и ее связь с социальным контролем	108